

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**COVER**]

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ

№6

1976 ЛЕНИНГРАД ИЮНЬ-АВГУСТ

[**CONTENTS**]

2

СОДЕРЖАНИЕ

Философия:

1. Борис Иванов Existenzialismus? – Vorbei.....3

ПОЭЗИЯ. Проза.

2. Елена Шварц. Стихотворения и поэмы.....28

4. М. Козырева. Девочка перед дверью. Повесть.....78

5. Николай Коняев. Рассказы.157

Критика. Публикации.

6. А. Г. Ромм. Марк Шагал. /воспоминания/.....172

Переводы.

7. Дж. Кришнамурти. Три беседы: проблема образования,
проблема свободы, свобода и любовь.....184

Хроника.

8. Диспут "Христианство и этика".....212

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**PAGE 1**]

– 3 –

3

БОРИС ИВАНОВ

Existenzialismus? – Vorbei.

[**PAGE 2**]

– 4 –

4

I

Среди тех, кто сегодня свободно философствует, существует мнение (на этот вопрос часто отвечают утвердительно), что история русской философии – история рефлексии на западную мысль. Если это так, то развивая это мнение, мы должны оказаться внутри русского способа философски мыслить. Это мнение и определяет основные темы размышления на проблемы экзистенциализма.

Если история русской философии – рефлексия на западную, то неизбежно временное отставание. И, действительно, со времен И. Новикова и А. Радищева этот сдвиг по фазе не только легко зафиксировать, но и с достаточной точностью исчислить, он составляет от 25 до 40 лет, то есть продолжительность творческой активности мыслителя. Однако важно заметить, как этот хронологический сдвиг становится совершенно особой проблемой русской философской мысли. Отставание создает специфическую ситуацию взаимодействий философских концепций. Скажем так, в то время, когда в России продолжали усваивать Канта, Гегель уже написал свои основные работы, и, в принципе, его система уже входила в ориентацию русского мыслителя (Г. Померанц заметил, что Россия в один исторический период духовно переживает *несколько* европейских). И Кант и Гегель не разделены для русского мыслителя историческим временем, и "Критика разума" и "Феноменология духа" в "готовом" виде лежат перед ним на столе. Поэтому собственную творческую задачу отечественный мыслитель мог наметить в совершенно оригинальном направлении: объединить две, или больше, концепции в своей собственной. Иначе говоря, его мысль, направлена в сторону *цельности*, отсюда, на мой взгляд, сквозная для русской философии идея "цельного знания", – идея которая абстрагирована от конкретного культурно-исторического процесса Европа, но имманентна истории русской мысли.

[**PAGE 3**]

– 5 –

5
2.

Научное знание имеет строгие правила рефлексии: синтетические утверждения отсылают к опыту, который может быть предметно повторен или проверен. Философская рефлексия на продукт инобытной культуры, напротив, разворачивается как *подмена предмета мышления*. При этом терминологический лексикон сохраняется. Именно его сохранение и задает тематический аспект рефлексии. Завершенность рефлексии означает, что подмена содержания проведена до конца. Отсюда следует, первое, – терминологическая структура сохраняется лишь в качестве формальной, без какой-либо коррелятивной ответственности перед предметом мысли. (Ф. Достоевский постоянно чувствовал "фантастичность" и "странность" идей. Ф. Чирсков сделал интересное наблюдение о мотиве *правды* в духовной ориентации этого писателя, которую можно рассматривать, как альтернативу "идеи"). Второе, предмет *собственно* русской мысли выводится за пределы философской концепции, философской "схваченности" ("Умом Россию не понять..." И. Тютчев). Так возникает специфическая полярность, следует подчеркнуть, – *специфическая*, внутри русского типа философствования, неадекватности философской концепционности и правдоискательства.

Итак: привязанность к западно-европейскому философскому лексикону, подмена предмета мысли отечественным содержанием, стремление к всеобхватывающей цельности за пределами западной философской системности, – таковы постоянные в оригинальном творчестве русской философии. Они и создают особый тип *проективности*, который трансцендирует *деструктивность*. Об этой деструктивности свидетельствуют: терминологическая шаткость русской мысли, отсутствие научно-философской методологии, употребление в качестве финальных таких понятий,

[**PAGE 4**]

– 6 –

6
3.

которые в истории западной мысли служат исходными представлениями. Итогом русской мысли становится освобождение от детерминации философского мышления, погружение в эмпирический мир; философские категории служат языком романтизации злободневно-психологических и ситуационных переживаний, языком эмоциональной выпренности, иногда – жаргоном снобизма, или – обиняков.

Ситуационные и психологические структуры создают подлинные дефиниции в русском типе философствования. С точки зрения европейского – это странные конгломераты, однако узнаваемые в те периоды, когда нормативная сторона западной культуры переживает глубокие потрясения и преобразования. В русской культуре Запад пропускает формально-декоративные построения русских мыслителей, ориентированные на давно устаревшие патерны западной философии, без какого-либо собственного предмета мысли, но Запад зорко замечает то, что в русском правдоискательстве служит аналогом его собственных тенденций. (Отметим, что такой глубокий философ-филолог, как М. Бахтин, сумел усмотреть в истории Запада именно деструктивную тенденцию – карнавал и жанрообразующие его векторы). То, что для Запада открывается как проблема, для русского мыслителя – искомое.

Сужение предметного горизонта мысли – это еще один постоянно действующий фактор русского типа философствования. Проблема бытия – обращается в проблему нации или быта (преобразование этой философской категории великолепно проанализировал Б. П.) проблема нации сужается до проблемы определенной социальной группы, проблема группы редуцируется до проблемы того или иного ее члена, – все эти превращения предмета мысли не сопровождаются адекватными логическими операциями. Возникает характерологическая странность русской мысли, которая может страстно утверждать,

[**PAGE 5**]

– 7 –

7
4.

что спасение человечества в крестьянине-анархисте, ведущего натуральное хозяйство, в семье, как домашней церкви (Розанов), или в превосходстве русского духа. Таким образом, идея цельности, – в сущности, является *идеей нивелирования*, и как каждое нивелирование, эта идея деструктивна по отношению к сущему, – тотально деструктивна.

Тенденцию к сужению предметного горизонта мысли неверно объяснять только трудностями конвергенций с мировой философской культурой. Причина, по-видимому, в опыте существования русского правдоискательства, в доминировании особенного, исключительного в горизонте его мысли, что, как правило, связано с повышенной аффектированностью мышления, распространением *эмотивной* индукции на неопределенный предметный горизонт. Эмотивная индукция наблюдается при травматическом опыте (не обязательно негативном). Образы, "навязчивые образы", обретают значение общих категорий; они создают тот особый феномен *правдивости*, когда употребление философского термина фундируется конкретным образом-представлением ("а дитя-то плачет!"). Символизация конкретного опыта посредством философских категорий является гносеологическим механизмом воспроизводства русского типа философствования, как определенной национальной традиции с ее двумя планами: образно-травматическим и философско-деструктивным.

Если вопрос поставить так: какие языковые формы являются наиболее адекватными для выражения опыта русского правдоискательства, то такой формой, по-видимому, является *художественная*, во всяком случае – проза. Именно в прозаических произведениях "философия" соотнесена с узким предметным планом (для философии феноменологическая ткань даже романа "Война и мир" Толстого ничтожна), коррелируется с психо-ситуационными

[**PAGE 6**]

– 8 –

8
5.

переживаниям героев, и развита категориально или неправильно, или неполно. Русская проза, пожалуй, – единственное, в чем Запад нашел нечто такое, что отвечает его нормативным представлениям об этом виде искусства.

II.

Наша предпосылка: история русской мысли – это рефлексия на западную, требует своего собственного объяснения. Ее мы находим в работе Г. Померанца "Некоторые особенности духовной модернизации Востока (в связи с проблемой восточного Возрождения и Просвещения)". Обращение к этому культурологическому исследованию позволяет также объяснить некоторые истоки травматически-образных доминант русской философской мысли. Кратко изложим некоторые положения, к которым Г. Померанц пришел в результате крупно-масштабного исторического анализа.

Современный мир, пишет Г. Померанц, как единое целое создан Западом, – именно Запад, установив транспортно-экономические, политические и, просто, информационные связи между всеми точками земного шара, раздвинул горизонты мышления человека до уровня *планетарного*. К Западу Померанц относит три страны – Францию, Англию и Голландию – только эти страны последовательно пережили две эпохи в классически-развитом виде – Возрождение и Просвещение. Незапад, по степени, начинается уже за Рейном и за Пиренеями. Но Запад не только связал человечество в единое целое, – он был и остается динамическим центром мира. В современном мире страны Незапада принуждены прибегать к *модернизации*, – употреблять достижения европейской цивилизации, как для решения своих внутренних проблем, так и в целях сохранения своей государственно-политической самостоятельности. Модернизация – подчеркнем мы, – не кратковременная акция, – а предмет постоянной озабоченности стран Незапада, несмотря

[**PAGE 7**]

– 9 –

9
б.

на то, что в этих странах модернизацию часто рассматривают лишь как стартовый момент для "развитии собственных" "неисчерпаемых возможностей". Можно сказать, что модернизация – это включение западных культурно-духовных элементов в систему воспроизводства общественных систем незападного типа.

Г. Померанц выделяет несколько типичных черт, включения западных элементов в незападные страны: первое: деформация "всех привычных западных категорий" (это мы отмечали); второе: "анклавность", то есть вклинивание современности в средневековые системы незападных стран, третье: этнофильскую реакцию ("почвенническая") на западное Просвещение, четвертое: тенденция к этническим анклавам (один из примеров – Немецкая слобода в допетровской Москве) и, наконец, пятое: возникновение общественного слоя, в незападных странах, аналогичного интеллигенции в России. "Этот слой – своего рода интеллектуальный анклав модернизации", – пишет автор.

Выделение этих черт – большое достижение культурологической исследовательской мысли. Многие проблемы, которые в России привычно относились к национальным (и на этой основе предпринимались попытки обосновать провиденциальную роль России в мире) как показывает Померанц, являются *типичными* для стран Незапада, в том числе, добавим – и их национальной мессионизм. Однако нельзя сказать, что проблема интеллигенции в этой работе нашла свое решение, хотя автор предпринимает усилия очертить границу и описать особенности этого общественного слоя. Между тем для нашей темы она представляет первостепенный интерес.

"Интеллигенция", пишет Г. Померанц, – трагически противостоит не только правительству, но и народу, во имя которого она пытается выступать... и трудно сказать, от кого она дальше".

[**PAGE 8**]

– 10 –

10
7.

"Интеллигент, вставший" в просвещении с веком наравне", вынужден действовать в "непросвещенной обстановке". Согласно Померанцу, интеллигенция, по мере развития, раскалывается на два течения, одно из которых бездействует, мучительно решает вопросы о смысле жизни и так далее, другое – действует и вступает в борьбу с правительством. Первое течение – религиозное, второе – атеистическое.

Деятельная часть интеллигенции, "пришедшая к власти, может некоторое время сохранить интеллигентность..., но в конце концов она оказывается перед дилеммой: либо выпустить руль из рук и отойти от политической деятельности, либо стать такой, какой власть требует, т. е. превратиться в группу функционеров". Образами Бабичева и Вассисуалия Лоханкина из повести Олеси "Зависть" Померанц демонстрирует отношение интеллигенции к власти.

Отношения интеллигенции к власти и к народу – это основные моменты, на которые Померанц обращает внимание при анализе, и этим поддерживает давнюю традицию русской мысли. При этом, автор разделяет традиционные колебания, – кого все же, собственно отнести к интеллигенции – ее бездеятельное, религиозное крыло, или же деятелей, борцов, будущих функционеров. Следует, на наш взгляд, четко различать *цели модернизации*; в этом случае мы получим менее противоречивую характеристику интеллигенции, как специфического общественного слоя в не западных странах.

III.

Одна из целей модернизации – *утилизировать* достижения западной цивилизации в целях воспроизводства, более успешного, а не изменения социумной, собственной системы. Тогда реформация, несмотря на кажущиеся ее радикальность, служит задачам *реставрации*. ("Революция, как реакция" – Томас Манн).

[**PAGE 9**]

– 11 –

11
8.

Этот тип модернизации выражается как копирование и ввоз готовых-изделий – товаров – машин, вооружения, в приглашении западных специалистов, как озабоченность в получении кредитов, в интенсификации добычи и вывозе сырья, что может привести к глубокому разрушению отечественных "этнических" компонентов собственной культуры. Аппарат модернизации, связанный с государственным руководством, это и есть те "специалисты", о которых пишет Померанц. Это специалисты по вывозу и ввозу, по внедрению и по искоренению. Так возникают методы насильственного навязывания или посевов картофеля, или бритья бороды. Этим специалистов неверно смешивать со специалистами западного типа, это специалисты-функционеры, утилизаторы. В их деятельности рационализм и волюнтаризм, полномочия и уровень знаний предстают в виде такого единства, которое не поддается только моральной или только культурной оценке. (Это Бабичев).

Иная цель модернизации у тех, кто стремится скопировать западные социальные условия, которые бы позволили придать своей отечественной культуре западную динамичность. Поскольку затрагивается социально-правовая проблематика – отечественный пантеон ценности, модернизаторы этого типа неизбежно оказываются в оппозиции к правительству. Это, можно сказать, такие же функционеры-утилизаторы – специалисты, они также ориентируются на готовые патерны западной мысли, но социально-политического порядка. По отношению к "почве" они, изобретем неологизм, такие же "насажденцы".

Не различая целей модернизации, мы не можем понять, почему Николай I, стоявший к народу не ближе, чем декабристы, жестоко их подавил, хотя они были не менее европейцы, чем он сам. Именно с модернизаторами этого типа происходят все те метаморфозы, описанные Г. Померанцем, в его работе, когда они приходят к власти.

[**PAGE 10**]

– 12 –

12
9.

Интеллигенция, как специфическое образование в странах Незапада, – это отнюдь не оппозиционеры, как принято их рассматривать в целом ряде работ на эту тему. (Так например, один автор заявляет: "... русские интеллигенты конца XIX – начала XX века: нигилист, народник, эсер-террорист или социал-демократ".) Но это и не те, кто бесконечно и бесплодно обсуждает "проклятые русские вопросы". Это и не подобие религиозного ордена, – вывод навеянный некоторыми частными фактами в истории русской интеллигенции. Интеллигенция – это *деятели культуры*, отстаивающие *право на предмет познания и свободу выражения – на творчество – в социально-исторической ситуации, при которой культурное, неавторитарное творчество не обладает институционализированным статусом*. Интеллигенты не проговорили XIX и XX века, они создали русскую культуру – ту, которую мы знаем. Оппозиционеры-модернизаторы ставили вопрос так: до тех пор, пока русское государственное устройство не обретет идентичность с западным, творчество невозможно. Интеллигенция отвергла этот постулат фактом своей деятельности.

Пушкин называл Николая I "революционером". Два момента позволяли назвать его так: авторитарное отношение ко многим чужеземным достижениям и насильственный способ их внедрения (во времена Пушкина классическим образцом революционера был Робеспьер с его фанатичной верой в авторитет разума и гильотиной для своих политических противников). Но для Пушкина, как и интеллигенции Запад не представлялся абсолютным ориентиром. Пушкин намеревался эмигрировать, но это не помешало ему написать "Бородинскую годовщину". Вместе с тем, Пушкин никогда не восхвалял

[**PAGE 11**]

– 13 –

13
10.

внутреннее положение России, в которой судьба культурного деятеля оставалась неизменно проблематичной.

Для русской интеллигенции XIX века была характерна ошибка – мечта о Западе как о возможности свободного творчества, они не придавали должного значения социальным проблемам Европы. Отсюда – глубокие разочарования, когда они встречались с западным филистером. Но все же пример Запада показывал, что неавторитарная культура может успешно существовать наряду с такими тоталитаризмами как: государственные и церковные институты, и придавать обществу тот динамизм, которым не обладают страны Незапада. Символ этой независимой культуры – университет, с его суверенными правами.

В этой постановке вопроса: в начале общедемократические права, а потом культурное творчество, – таится своеобразие модернизма в социально-политическом мышлении незападных радикалов. Оно объясняется тем, что общедемократические институты Запада, в качестве готовых, уже существуют и могут стать предметом заимствования и внедрения. Между тем европейская история демонстрирует противоположное: медленная и последовательная институционализация культуры предшествовала конституционным установлениям. Без этого предшествования демократические *нормы* становятся на практике оправдыванием хаоса, тотальным беззаконием, и победу одерживают те силы, которые способны крайними проявлениями насилия установить свою гегемонию. Демократические нормы пусты, если они, как соты, не будут заполнены "медом культуры". Формальное уважение прав личности остается формальным до тех пор, пока личность не докажет свое значение не теми атрибутами достоинства, которыми наделяют тех, кто преданно следует отечественным или западным авторитетам, а преданностью истине, кто откроет новые возможности бытия в рутинном и

[**PAGE 12**]

– 14 –

14
11.

бесперспективном мире. Интеллигентный человек в странах Запада – это тот, кто поступает так, как если бы его культурная деятельность охранялась традицией и законом. Но это не так, он рискует, – и тогда только Бог оправдывает и охраняет его человеческую взволнованность.

IV

Бесконечность, оторванность от социальных авторитетов, отсутствие какой-либо социальной поддержки и правовой гарантированности – таково положение тех, кто пытается мыслить свободно в странах Запада. Свою собственную деятельность мыслитель представляет необходимой, духовно приподнятой и, во всяком случае, бескорыстной, – и поэтому враждебное или подозрительное отношение к своей деятельности он переживает, как ужасающую бессмысленность, эти переживания интуитивизируют представление о социуме, как о чем-то бездуховном, не ведающем, ни что такое зло, ни что такое добро. Окружающий социум – это и есть источник страха и травматического опыта, – источник реальный, то есть, это не тот страх, который настигает человека в его абсолютном одиночестве, – онтологический страх личности, страх оптический (в терминах экзистенциализма).

Иначе говоря, беспочвенность не есть свободное отчуждение, которое продиктовано спецификой свободно избранной темы размышления, лежащей по ту сторону социальных проблем. Это отчуждение направлено извне во внутрь философствующего сознания, как доминативная сторона жизненной ситуации мыслителя, как анонимный и не анонимный прессинг навязывания, создающего аффектирующий полюс больной и навязчивой темы, не той темы, которую мы должны прояснить, как феноменологию страха и забот, а как конкретный образ, внедряющийся в теоретическую свободу мыслителя. (То, что постоянно гнетет, об этом постоянно думают). При перемене

[**PAGE 13**]

– 15 –

15
12.

знаков предмет мышления остается тем же самым. Добрые славянофилы не простили Гоголю "Мертвые души", выдвинув гносеологическое правило: Россию нельзя понять, не полюбив ее. Но для Гоголя не наступило избавления от социальной проблематики, когда он переменял знак с критического "минуса" на апологический "плюс" и написал "Выбранные места из переписки с друзьями". Социальная проблематика оказалась насильственно внедренной, скептическая редукция в духовной биографии Гоголя оказалась бесплодной.

Много лет спустя Н. Бердяев бросил русской интеллигенции упрек в том, что среди нее не было личностей. Но был ли личностью сам Бердяев? Нет. Роковым образом он был привязан к социальной проблематике своего времени. Его позднее убеждение, что он всегда мыслил экзистенциально, ошибочная реконструкция его ранней идейной позиции. Ибо социальное мышление – это мыслить о других людях так, как если бы другие не имели собственного сознания, мыслить о свободе других, – как если бы другие не обладали свободой, оно предлагает им выбор, как если бы другие были лишены этой возможности. *Безличные проблемы обезличивают философствующего.* Он совершает подстановку своего Я в Оно (Man). Так возникает пресловутое Ты, – отчужденное Я в положительной модификации.

Это ничуть не умаляет возможное благородство, энтузиазм, добрые намерения мыслителя, – напротив, чем больше сердечности вкладывает индивид в рассмотрение неличных проблем, тем глубже он идентифицирует и унифицирует себя с другими, тем больше в мотивации его творчества проблем Других. Это значит "отдать себя", но это означает и "потерять себя", это означает "взять на себя ответственность за других" и "утратить ответственность за самого себя".

[**PAGE 14**]

– 16 –

16
13.

Интерпретация социума внутри философствующего сознания как навязанная тематика мышления "человеком из подполья" рассматривается сквозь призму собственного социального опыта. Поскольку этот опыт травматичен, его конкретное содержание гиперболизируется. При аффективных переживаниях, психической постоянной, западная философия не может выполнить роль наставника, но она может служить и служит "языком" выражения личного и группового (анклавного) опыта социального бытия. Так быт интеллигенции (скажем быт Раскольникова) становится "бытием", собственные духовные поиски – духовными поисками "народа". То есть, тот факт, что мировоззрение интеллигенции шире ее социального положения и опыта, – так как она ориентирована на мировую культуру, – и тот факт, что психологически она подвержена склонности гиперболизовать свой опыт, создают лишь внутри ее убедительный синтез лексической привязанности своего опыта к горизонту другого культурного бытия. Травматически навязанная социальная проблематика не осмысливается адекватно – "социологически", а собственное назначение интеллигенции остается трудно постижимой проблемой.

Н. Бердяев и веховцы были, например, склонны обвинять русскую интеллигенцию во многих драматических перипетиях отечественной истории. На одних и тех же весах они взвешивали качество тех или иных журналов и сборников, и такие события, как индустриализацию обществ, мировую войну, массовый голод и другое... Позднее Бердяев напишет, как ему было трудно освободиться от исторического романтизма в своей деятельности.

На русской почве *экзистенциализма еще не было*, как не было опыта институализации неавторитарной культуры. Но что такое экзистенциализм?.. При изложении мы будем ссылаться на Н. Бердяева, который к концу жизни, во Франции, принял основные мировоззренческие положения экзистенциализма и

[**PAGE 15**]

– 17 –

17
14.

указал на те духовные препятствия, которые он встретил на пути к его пониманию. Высказывания Н. Бердяева приводятся из его книги "Рабство и свобода человека", опубликованной в Париже в 1939 г.

V.

Экзистенциализм как единое течение объединен, прежде всего, типом своего скептицизма, а также некоторыми следствиями, которые из этого скептицизма неизбежно вытекают. Скептической редукции в экзистенциализме подвергаются ценности а) *природы* б) *социума*. И это определяет специфическую избирательность экзистенциализма в мировой философской культуре. В сущности, любые негативации природы и социума поставляют доводы для экзистенциального скептицизма: и Сократ, и Пиррон, стоицизм христианских подвижников и сатира Босха... Что касается Бердяева, то он отмечал значительную роль И. Канта и А. Шопенгауэра в формировании своих взглядов. "Дуализм Канта, пессимизм Шопенгауэра ближе к истине, чем монизм, эволюционизм и оптимизм Фихте, Шеллинга и Гегеля". Среди других западных и русских мыслителей, оказавших на него влияние, он называл Ф. Ницше ("Ницшеанская переоценка ценностей, отвращение к рационализму и морализму, очень вошла в мою духовную борьбу...") Ф. Достоевского, как глубоко раскрывшего проблематичность существования человека, К. Маркса, как радикального критика капиталистического общества (Марксистский термин "отчуждение", по-видимому, оказал влияние на идею "объективации" Н. Бердяева). Указывал философ и на Л. Толстого: "толстовское восстание против ложного величия и ложных святых истории, против лжи социальных отношений людей проникло в мое существо".

Экзистенциализм, таким образом, избирает свой собственный путь снятия отчуждения между собственными актуальными задачами и мировой культурой. Почувствовать экзистенцию мыслителя прошлого – это значит исследовать его методику преодоления ценностей

[**PAGE 16**]

– 18 –

18
15.

природы и социума как схем отчуждения или обнаружить проникновение бессмысленности в эти схемы, когда они утверждаются как истинные. Экзистенциальный скептицизм не останавливается перед ценностями прошлых культур и культурной элиты, отдельными текстами и обожествленными именами. И в этом был последователен Н. Бердяев. С точки зрения финальных задач, важно преодолеть такие мировоззренческие концепты, которые полагают социальные и природные ценности как истинные объекты ориентации человека. Если при этом заметить, что, говоря об этих ценности, мы, в сущности, говорим о мифологемах античности и исторического христианства, то становится ясно, что экзистенциализм отказывается следовать каким-либо традициям, кроме критических и оказывается перед фундаментально новыми проблемами.

Как социальное бытие, так и натуральное разворачивается в категориях собственной казуальности. Гносеологическая проблема, которую осознал экзистенциализм, основывалась на том факте, что индивид сам выбирает между социальным долженствованием и натуральными детерминациями, – следовательно, человек свободен. В теологической концепции христианства свобода человека рассматривалась как фундаментальная предпосылка для Спасения и для Страшного Суда, если выбор индивида не соответствовал заданной парадигме выбора. Экзистенциализм сосредоточился на самом факте *свободы выбора*. При этом свобода осознавалась не в терминах морали или научной необходимости, а как то, что имплицитно существованию человека. В онтологическом смысле человек не волен отказаться от своей "обреченности быть свободным", но эмплицитно (перед лицом государства, церкви, наставников и т. п.) он может, от свободы отказаться и заверить их в своей преданности и принадлежности той или иной системе выбора. Поэтому человек должен быть исследован не на вербальном уровне, а таким,

[**PAGE 17**]

– 19 –

19
16.

каким он открыт сам себе в непосредственности своего существования, в независимости от осуждающей цензуры и призывов наставников, каким он должен стать. (Такое исследование, в сущности, дневник, не имеющий адресата).

Но проблема была значительно сложнее: речь шла не об искренности и не о потоке сознания, проблема заключалась в *речи*, ибо язык – продукт мифов – предлагал человеческой открытости схему отчуждения. То есть, если рассматривать существование личности как проблему языка, то язык старых мифов говорит о личности, что она есть Ничто. На этом языке человек становится *чем-то*, если возвращается в план натуральности и социальности со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Проблема существования человека, как проблема имплицитная – "трансцендентальный субъект" – обращалась в экзистенциализме эмпицитно в реальность личности, – ту реальность, которую мы осознаем *предметно* лишь в той мере, в какой сохраняем скептицизм по отношению к социальным и натуралистическим ценностям. "Личность, – утверждает Бердяев, – есть независимость от природы, независимость от общества и государства". Таким образом, экзистенциализм *открыл новую реальность – личность*.

Экзистенциализм может быть сравнен с общей и специальной теориями относительности Эйнштейна. Экзистенциализм сохраняет свою общность в типе скептицизма, а также в тех дефинициях, которые определяют границу между личностью, как реальностью и реальностями иного порядка. В этой общей теории личность предстает в *безличной форме*, как предмет в его общей особенности: "каждый человек – личность". Экзистенциалистский анализ показывает, что социальные и натуральные категории, если их накладывать на реальность личности, приводят к абсурду, они не "работают"

[**PAGE 18**]

– 20 –

20
17.

в определенной предметной сфере. Жан Поль Сартр писал: "Марксист может доказать, что Поль Валери – мелкий буржуа, но он не может доказать, почему не каждый мелкий буржуа – Поль Валери". Многочисленные попытки выделить биолого-физиологические и социально-биографические факторы, которые позволили бы преодолеть постулат экзистенциализма о неповторимости каждой личности и, таким образом, набросить новую сеть анонимности на личность, оказались безуспешными.

Общая теория экзистенциализма не затрагивает содержательный аспект какой-либо личности, не ориентирует на какие-либо образцы, она открывает личность, как реальность, и демонстрирует методологию этого открытия. "Специальная теория" экзистенциализма – это, в конечном счете, обнаружение реальности конкретной личности как раз в неповторимости ее экзистенциальных проявлений, в особой структуре ее опыта и убеждений, в особых усилиях, за счет которых она преодолевает ловушки безличностного: от стандартов социальных полей до трафаретов морализма, от патернов исторического величия до штампов обыденной речи, от эталонов мод до хитростей обольщения власти и масс. То есть, реальность личности проявляется не в голословности ее жизненной программы, а в качестве ее экзистенций, в решимости ее "быть собой", в отказе от двусмысленности и привкуса отчужденности от ситуации, какой бы она ни была. История и биография – это различие утрачивает смысл.

Итак, личность – Ничто, ибо мы не можем о ней что-либо сказать "со стороны", но личность – реальность, ибо личность сама заявляет о себе в неповторимости своих проявлений. Личность по Бердяеву – "разрыв" в мировых процессах. "Когда личность вступает в мир, единственная неповторимая личность, то мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя внешне это не было заметно. "Личность, – говорит он, – есть категория аксиологическая,

[**PAGE 19**]

– 21 –

21
18.

оценочная". И как всякая ценность, личность конституируется модусом долженствования. "Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать единства на протяжении всей своей жизни... Вся тяжесть, наложенная на человека природой и обществом, историей и требованиями цивилизации есть поставленное перед ним затруднение, требующее сопротивления и творческого претворения в личное".

Трудности экзистенциального становления заключаются в том, что ценности социума и натуры отнюдь не всегда декларированы, они включены в стереотипы действий, слов, ожиданий, человек не может вырваться из их плена, если не усмотрит "ман" в самом себе, как ипостась своей собственной пошлости. Это было и наиболее трудной теоретической проблемой, без решения которой экзистенциализм оставался привязанным роковым образом к тем же самым социальным институтам, к тем же текстам, к истории, элитам. Это та привязанность Раскольникова, который не может выразить свою неповторимость иначе, чем совершив банальное уголовное убийство, а затем духовно оказался привязанным к полицейскому участку, что гениально заметил Ф. Достоевский. Это та пошлость героя из "Записок из подполья", которая удерживала его прочнее, чем идеологические оправдания пошлости – с ними герой подполья боролся достаточно успешно.

Трудность заключалась также в том, особенно для русского национального мышления, что социальный скептицизм привычно разрешался в гедонизме натуралистического функционирования. Именно поэтому ни толстовство, ни теоретические построения Вячеслава Иванова, ни жизненные позиции А. Белого и А. Блока, а затем акмеистов и футуристов не ставили с достаточным напряжением экзистенциальные вопросы. Для русского человека основные проблемы решались выбором между социумом и натурой. Парадоксы Розанова великолепно

[**PAGE 20**]

– 22 –

22
19.

демонстрируют это. Если для Запада природа – предмет науки, и как предмет науки легче подвергалась скептической редукции, то русское сознание продолжало приписывать природе "одухотворенность" (Тютчев, Толстой, Достоевский, С. Булгаков), что характерно для донаучного мышления. В этом направлении русские мыслители, за малым исключением, не пошли дальше натурфилософии Гете.

VI.

Итак, личность – это реальность, которая аксиологически ранжируется абсолютным утверждением воли; целостность в экзистенциалистском понимании достигается таким актом веры, который удерживает значение ценностных оппозиций. Поэтому экзистенциальное философствование осуществляет себя тем, что любое экзистенциальное утверждение содержательно "отгалкивает" возможные подмены. Вне этих оппозиций – к социуму и натуре, личность утрачивает свою личность, целостность и свой волевой пафос.

Но поскольку экзистенциальное существование предполагается *непрерывным*, постольку тотальная предметность мира обретает устойчивый иерархический конструкт и возникает то, что Бердяев называет "соединением универсально-бесконечного и индивидуально-особого". Это означает, фактически, что ценностная структура мира более не изменяется, но индивидуально-конкретный опыт предметно дополняет этот мир. Так создается новая мифологическая картина мира, в которой личность остается единственно подлинным Демиургом, и как миф, экзистенциальный миф перетолковывает старые мифы, совершает тотальную переоценку наличествующего.

Н. Бердяев не ставит вопрос о том, каким образом личностно-неповторимое может стать какой-либо ценностью для другой неповторимой личности. Однако ясно, что ценностная структура экзистенциального мифа *конфессиональна* и может

[**PAGE 21**]

– 23 –

23
20.

быть воспринята другими и сформулирована в социумной терминологии – в так называемых "правах личности" и в правилах повседневной этики. Поскольку эта система ценностей может быть социализирована, постольку мы можем говорить об экзистенциальной революции, как о новом праве, о новом языке, о новом искусстве – *об эпохе модернизма*. Если при этом не забывать, что скептическая редукция экзистенциальности не может быть удержана сама собой, – требует новых, познавательных усилий, уже этих усилий достаточно для того, чтоб служить фундаментальной основой для взаимодействия между личностями.

Новизна экзистенциального подхода к основным проблемам существования человека с наибольшей яркостью проявляется в сфере религиозной проблематики. Бог утрачивает какую-либо социальную или натуральную определенность. "Отношения между личностью и Богом не есть казуальное отношение, – пишет Бердяев, – оно находится вне царства детерминации, оно внутри царства свободы. Бог не объект для личности, он субъект, с которым существуют экзистенциальные отношения". "Личность не может быть детерминирована изнутри и Богом". Личность, как пишет Бердяев, – "есть абсолютный экзистенциальный центр – вместилище радости и страданий, а этого лишены коллективные и идеальные ценности".

Бог открывается в опыте трансцендирования, трансцендирование – это переход не к объективному, а "трансубъективному". "Этот путь лежит в глубине существования, на этом пути происходят экзистенциальные встречи с Богом, с другим человеком, с внутренним существованием мира, это путь не объективных сообщений, а экзистенциальных общений". Бог как личность завершает экзистенциально-мифологическую картину мира в философии Бердяева. Бог – личность и личность-Бог. Личность трансцендирует к Богу, как к вечной "разомкнутости", и Бог открыт человеку, Он "ожидает от человека не покорности и прославления Себя, а любви". Именно такой

[**PAGE 22**]

– 24 –

24
21.

тип встречи Бердяев распространяет на людей, находящихся в подлинных отношениях. Поскольку никакая объективация личности не рассматривается как окончательная ценность, личность ускользает от опасности самовозвеличивания. Она постоянно выходит за границы объектов. Поэтому *эсхатологизм* – становится характеристикой экзистенциальных интенций личности, как постоянный разрыв времени натурального и исторического бытия.

Трансцендентальный субъект – экзистенциальная вера – трансцендирование – Бог – такова экзистенциальная диалектика Н. Бердяева, погружения мира в личность, обретение ею универсального значения в ее разомкнутости бытию. Вместе с этим Бердяев намечает параллельную схему: *характер, любовь, гениальность*. Он понимает характер онтологически, как феноменологию трансцендентального субъекта. Н. Бердяев усвоил и сохранил в системе своих взглядов идеи Вячеслав Иванова о "восхождении" и "нисхождении", которые, в свою очередь, были интерпретацией апологонического и дионисийского начал в человеке Ф. Ницше. Эротическая, восходящая любовь, – это, собственно, трансцендирование.

Любовь нисходящая, "карикативная", проявляющаяся в жалости и сострадании к человеку и человечеству, нарушает конструктивную схему взглядов Бердяева, которая в основных постулатах однонаправленна и экстаична. Нисходящая любовь – на наш взгляд – это рефлексия, которая внутри экзистенциальных интенций обречена обнаружить Ничто. Это Ничто творца, который не узнает в своих собственных объективациях самого себя и который может надеяться (экзистенциальная вера) на более глубокий разрыв в будущем со своим пленом. В этом смысле разворачивается и рефлексия на Другого, как личность, у которой "все впереди". Но здесь мы улавливаем тот привкус бессмысленности, который характерен для любого

[**PAGE 23**]

– 25 –

25
22.

типа мифологического мировоззрения: человек стремится к тому, что он никогда не в силах достигнуть. Здесь может взять начало героизм бессмысленного человека Камю, у которого нет другого выбора, кроме как "исчерпать себя" или – скептицизм контр-экзистенциального пафоса.

VI

Современную рефлексию на западный экзистенциализм, в том числе на философические сочинения Н. Бердяева, трудно выделить, ибо горизонт ориентации свободно философствующего в России сегодня, включает помимо этого направления философский антропологизм Макса Шелера и Теяра де Шардена – протестантские мотивы в христианские мысли, структурализм. При этом философствующий, как правило, несколько знаком с восточными мистическими учениями. На этой философской почве возникают типичные для русского типа мышления попытки соединения религий, философий, мифов. Уверенность в такой возможности тем сильнее, чем поверхностнее знания и чем сильнее потребность в интеграции себя как индивида. Однако ясно, что проблема личности не является центральной.

Особенностью сегодняшнего момента является то, что центральных философских проблем нет. Хотя, очевидно, каждый философствующий испытывает большую или меньшую симпатию к типам ответов на основные проблемы существования, собственно актуальная проблема обозначается, как лежащая по ту сторону европейской философской системности. Эту проблему можно обозначить в терминологии старой русской мысли: соборное сознание Вячеслава Иванова", "симфоническая личность" Л. Карсавина).

Философствующий – это, чаще всего, художник, поэт, прозаик. Он выражает себя в художественном творчестве, или при анализе художественного творчества. Вместе с тем – это именно тип мышления, который глубоко касается существенных сторон современного культурного

[**PAGE 24**]

– 26 –

26
23.

движения, типа свободы неавторитарной интеллигенции. Она ни на чем не настаивает и ни от чего не отказывается, она предельно серьезна и предельно пластична, непринципиальна и не беспринципна; задачи физического выживания и духовной приподнятости, житейская мелочность и высокое подвижничество, осторожность и мужество – все это создает тот облик интеллигента, который, в свою очередь, вскрывает действительную нагрузку идей цельности, соборности, полифоничности, универсальности. Этот тип достаточно профессионален в своем призвании и недостаточно основателен, ибо свободен и от профессии, которая может быть легко подменена другими видами творчества.

Если в шестидесятых годах интеллигенцию было трудно отделить от оппозиционных тенденций, если ее освобождение проходило под знаком возвращения к "естественности", то теперь она сознает свою социальную ценность в гуманитарном творчестве, свободно привязанном к тем или иным ориентирам традиции. Как это ни странно, эта свобода – таков мой вывод, основанный на ряде наблюдений, – конституирует *научный тип мышления*, но не экзистенциальный, – научный, в широком смысле, как *реализм* как овладение предметом размышлений и переживаний, ибо только предмет, нечто объективное, способен создать и создает пункты сосредоточений, прерывает пластику и свободу уклонений от конструктивности, основательности, но вместе с тем, только предмет позволяет решать творческие задачи, не затрагивая идеологические и мифологические стороны социального бытия. Собственная свобода – есть потенция освобожденности от самого себя, когда пластический релятивизм предстает как способ чистого подхода к предмету, когда медитативность освобождается от какой-либо *особой* идеологической нагрузки, которую сейчас можно наблюдать. И, по-видимому, таким предметом станет быт, история страны, те или

[**PAGE 25**]

– 27 –

27
24.

иные деятели культурного движения, их творчество... Реализм – в ранге религиозной веры, *священной правды*, с пафосом: "И все-таки она вертится!"

Это предположение учитывает такое постоянное в опыте свободной национальной мысли, как деструкционизм, сужение предметного горизонта мысли, отказ от формальной системности официальной идеологии, а также исторические ошибки предшественников, которых дискредитировали идеи мессианства и избранности России. То есть, деструкция индивида, по моему мнению, обратится в ее интимный момент, которую индивид сумеет преодолеть "верностью предмету", заимствуя цельность и очерченность из противоположащего ему мира, точнее, – противоположащего фрагмента реальности. Сужение предметного горизонта станет *принципом* интеллигенции, так как в этом сужении, мне думается, будет разрешаться проблема уверенности, очевидности, и удовлетворять критерии профессиональности. Фактичность, очевидность, научность, академизм – это то, что должно *преодолеть* повышенную аффектированность мышления, чтобы стать страстной верой в реальность. Экзистенциализм на этом предполагаемом пути культурного движения претерпит парадоксальную объективистскую интерпретацию, в которой конкретная историческая ситуация будет восприниматься, как единственная из всех возможных, и именно в этой ситуации объективно будут изыскиваться пути к той или иной институциализации культуры, – этой вечной темы мыслящего неавторитарного человека в странах Незапада.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**PAGE 26**]

– 27 –

28

ЕЛЕНА ШВАРЦ

Стихотворения и поэмы

Exercitus exorcitans

Москва
1976

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**PAGE 27**]

– 29 –

29

Praetoriani[1]

1. Преторианцы (лат.)

[**PAGE 28**]

– 30 –

30
3.

БАШНЯ, В НЕЙ КЛЕТКИ

Строфа она есть клетка с птицей
Мысль пленная щебечет в ней –

Она вздыхает как орлица,
Иль смотрит грозно как царица,
То щелкает как соловей.

Они стоят на клетке клетка – как бы собор,
который сам поет как хор.
Я бы выпустила вас на волю.
Но небо крапинкою соли
мерцает в выси – ни дверей, ни окон
Нет в этой башне – свернутой как кокон.

Но я открою клеток дверцы
– они вскричат как иноверцы
на безъязыких языках
толкаясь вылетят они
и защебечут залопочут
заскверещат и загогочут
и горл своих колышат брызжи
и перья розовые сыплют
пометом белоснежным брызжут
Клюют друг друга и звенят.
Они моею кровью напитались
Они мне вскрыли вены ловко.
И мне самой – какая впрочем жалость
Раскидан мозг по маленьким головкам
Осколки глаз я вставила им в очи.
И мы поем, а петъ нас Бог учил
И мы рычим и мы клокочем
Платок накинут – замолчим.

[**PAGE 29**]

– 31 –

31
4.

СОЛОВЕЙ СПАСАЮЩИЙ

Соловей засвистал и защелкал –
Как банально начало – но я не к тому
Хотя голосовой алмазною иголкой
Он сшил Деревню Новую и Каменного дышащую мглу
Но это не было его призваньем.
Он в гладком шаре ночи
Всю простучал поверхность и точку ту нашел слабее прочих.

Друг! Неведомый! Там он почувал иные
Края – где нет памяти, где не больно
Дышать – там они те пространства родные,
Где чудному дару будет привольно.
И в эту точку голосом ударив, он начал жечь ее как кислотой
Ее буравить, рыть, как роет пленник такую ж прикрываясь
темнотой.

Он лил кипящий голос
В невидимое углубленье
То он надеялся – что звук взрастет как волос
Уже с той стороны, то умолкал в сомненьи.
То просыпался и тянул из этой ямки все подряд
Как тянут из укуса яд.

Он рыл туннель в грязи пахучей ночи
И ждал ответ
С той стороны – вдруг кто-нибудь захочет
Помочь ему. Нездешний свет
Блеснет. Горошинку земли он в клюв тогда бы взял
И вынес бы к свету чрез темный канал.

[**PAGE 30**]

– 32 –

32
5.

СОЛОВЕЙ СПАСАЮЩИЙ
(стихотворение-двойник)

Соловей засвистал и защелкал
– Как банально начало – но я не к тому.
И он повесила на прохладе сушиться их полотна,
Чтоб точку ту найти – материей не так набиту плотно.

Друг! Неведомый! Там он почуял иные
Края, где нет памяти, где не больно
Дышать, там они те пространства родные,
Где чудному дару будет привольно.
И свиста рукоять зажав, он начал точку ту долбить,
Где запах вечности шел слабый – ах нам его не уловить!

Он лил кипящий голос
В невидимое углубленье
То он надеялся, что звук взрастет как волос
Уже с той стороны, то умолкал в сомненьи.
То прижимался и тянул из этой ямки все подряд
Проглатывая грязь и всасывая яд.

Он рыл туннель в грязи пахучей ночи
И ждал ответ
С той стороны – вдруг кто-нибудь захочет
Помочь. Блеснет нездешний свет.
Горошинку земли он под язык вкатил
И выплюнул бы в свет, а сам упал без сил.

[**PAGE 31**]

– 33 –

33
6.

БУРЛЮК

В. Кривулину

Удивленье
В миг рожденья –
А там уж бык привык,
Что он из круга в круг,
Из века в век –
Все бык.
Но дохнул в свой рог
Дух мощный вдруг
И бык упал
И встал Бурлюк.

О русский Полифем! Гармонии стрекало
Твой выжгло глаз,
Музыка сладкая глаз нам разъедала
Как мыло и твой мык не слышен был для нас.

Явился он – и Хаос забурился
и асимметрия взыграла,
Дом крепкий, ясный блеск светил
Все затряслось как лодка у причала.

Примчался он ревушим Быкобогом,
Уже безмясый, но живой,
Как перед пьяным – ввысь дорога
Меж туч клубится орган половой.

/бывают времена – они свою дитю
лелеют, нежат, в хлебе запекают
горячим. Педантичный дух
во чревах обходя младенцев
им уши протыкает,
им зрение острит,
на кровь им дышит,
чтоб быстрее кружила, снимала плесень с ока –
блажен! – и бык тогда становится пророком
И гении как сорняки растут –

Так много их – но и земля широка.
Но вы – о бедные – для вас и чести больше,
Кто обделен с рождения как Польша
Кто в пору глухоговоренья
родился – полузадушенный, больной,
Кто горло сам проткнул себе для пенья,
Глаза омыл небесною волной
И кто в декабрьский мраз – как чахлая осока
На льдине расцветал, шуршащей одиноко/.

Давид кубический приплыл
В страну квадратных подбородков
И матюгнулся, но купил
Забвеньё – куклою в коробке,
Забвеньё в склепе словарином,
А память в звоне комарином.

[**PAGE 32**]

– 34 –

34
7.

РОНДО С ПРИМЕСЬЮ ПАТРИОТИЗМА

Бред бесстыдный,
Лепет сонный –
Муза – вот чем ты даришь,
А я так тебе молилась,
А я век тебя ждала.
Как двое незрячих
Со склеенным ртом
Шатаюсь и плача
Стоять под окном
А вос-поминанья
Совсем ни к чему
Огоро-женную
Лутче бы тьму.
Тьма же вокруг
Холодна, беспредельна
С крыльями как
У подруг милосердных,
Тех, что с зеленой
Отметкой во лбу
Рваным укрывшись
Крылом на дубу –
Вобщем – вороны.
Лутче бы тьма
Поклонялась Венере,
Домик какой-то
Четыре листа из фанеры
– Ты осторожней,
Там кто-то уж спит –
– Злая собака сладко
храпит.
– Видно уж некуда,
Да и пора мне.
Слабые светятся
Блеклые камни.
– А вот на западе, говорят,
Дома свиданий есть, говорят.
– Да уж, слышали.
"– Где мне найти беспредельнее тьму?
Чуять так близко тюрьму и суму?
Где в телогрейке горюет упырь?
Тоже и я не чужая ему.
Все же отсюда
Из запретельных
Дальних краев
Неба, быть может,
Откинув,
Легкий покров –
Муза.
Она ведь несчастненьких любит,
Нищим она подает,
Красны глаза у ней,
Лошадиные зубы,
Черен запекшийся рот, –
Вот она тяжело ступая

Идет –

[**PAGE 33**]

– 35 –

35
8.

Толстая дева,
Перекинувши на живот
Сумку,

Бред бесстыдный,
Лепет сонный,
Муза – вот чем ты даришь,
А я так тебе молилась,
А я так тебя ждала.
Может ты меня и любишь,
Только странной любовью,
Раз усохшие чернила
развела моею кровью.

Da bin ich Dichter
Son ' poeta auche

У человека шов проходит по гортани –
сшивали там и спрятали изнанку.
Ой, вы мягкие игрушки,
розовейте на свету!
Сколько Творец не жалел атласу;
чтоб упрятать в вас – в темноту.
Марьонетки, ваши нитки
все видны.
Натуральная машина,
ты не плачь и не кричи,
не то твои порвутся нитки
и съедят тебя в ночи.
И повторю – я вам не флейта,
я не игрушка вам,
ни вам – печонка, селезенка,
ни сердцу, ни мозгам.
70 (приблизительно).

РАСПРОДАЖА БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИКА

Вот тот нагой, что там в углу сидит –
На нем чужой башмак с алмазной пряжкой –
Он бледен, жалок, не был знаменит
И жил он дома меньше, чем на Пряжке.

Это в веке чужом золотят стремена,
Так причудливо строят и крепко,
Но когда ты живешь-то в свои времена
И буденовка кажется кепкой.

Потому он ушел, он сошел по мосткам –
Корешков – по хрустящим оторванным – вниз –
К фижмам, к пахнущим уксусом слабым вискам,
Где для яда – крапленый сервиз.

Где масоны выводят в ночи цыплят
Из вареных вкрутую яиц,
Но их шопот так слаб, так прозрачен наряд,
Так безглазо сияние лиц!

С волной паломников он шел другое лето,
Кто темные воды их пьет?
За желтой и сухой гвоздикой Назарета
Дитя босое в сумерках бредет.

Он повсюду – в полях и трактирах искал
Полета отравленной шпаги,
Но бесплотное сердце клинок протыкал,
Только разум мутя и лишая отваги.

Лик человечества – не звук пустой –
Есть люди – уши, люди – ноздри, зубы,
В те дни лик был небрит, весь в бороде густой,
Не то что в наши дни – тончал и шел на убыль.

Все души с прочерню как лес весной,
Но вот придет светясь Франциск Ассизский –
Чтоб мир прелестен стал как одалиска
Довольно и одной души, одной!

Но закрутилось колесо, срывая все одежды –
Повсюду – легионы двойников,
Их не найти нет никакой надежды
Зарывшись в легионах дневников.

Идет острижена на плаху королева,
Но чтоб замкнулся этот круг –
Вперед затылком мчится дева
И смотрит пристально на юг,

Когда она подходит ближе,
Из под корсета вынимая нож,
Хоть плещешься в ботинке с красной жижей,
Марат, ты в этот миг на короля похож.

[**PAGE 35**]

– 37 –

37
10.

Повсюду центр мира – страшный луч
В моем мизинце и в зрачке Сократа,
В трамвае, на луне, в разрыве мокрых туч
И в животе разорванном солдата.

Где в огненной позе поет Нерон
И перед зеркалом строит рожи,
Где в Луну Калигула так влюблен,
Что плачет и просит спуститься на ложе.

Где Клеопатра, ночной мотылек,
С россыпью звезд на крылах своих нежных,
Флот деревянный – магнит уволок,
Дикий он тянет – что нежелезно.

Ах, он всех – он даже Петра любил,
Что Россию разрезал вдоль,
Черной икрой мужиков мостовые мостил,
Но душ не поймал их вертких как моль.

Ах не он ли и Павлу валерьянку носил,
Просил – Не ссылай хоть полками –
Но тот хрипел и тень поносил
И как дитя топотал ногами...

Он в комнате пустой – унесли,
Его витраж разбили на осколки,
Пометы стерли, вынули иголку,
Что тень скрепляла с пестротой земли.

Но больше он любил в архивах находить,
Кого напрочь забыто имя –
При свете ярком странно так скрестить
Свои глаза – с смеженными, слепыми.

Но благодарными, а сам он знал,
Что уж его, наверно, не вспомнят,
У входа, впрочем, душ един клубится вал,
А имена как жребий мы тянем.

[**PAGE 36**]

– 38 –

38
11.

НОВОРОЖДЕННОМУ

И десять месяцев лунных
Во чреве Бог тебя томил,
Чтобы во тьме, во тьме безумной
Ты как опара восходил,
живот все выше поднимая
По расписанью дальних звезд,
Чтоб в темноте шипя, вскипая
Ты облаком кровавым рос.
Но спи, младенец, эй, проснись,
Под сердцем сладко спать в тепле,
Но что-то вздрогнуло и вниз
рвануло тяжело к земле.
Младенец вздрогнул, обернулся,
Хотел вернуться, не вернулся
И белый свет вокруг него
Со свистом медленно сомкнулся
И вот теперь невнятна тьма
Невнятен свет туманный.
Жизнь началась как зима
Под звон трамвайный.
И не дрожат его колена
И пусть его недвижный взор
Когда летит он как полено
В седой негаснувший простор.
68.

[**PAGE 37**]

– 39 –

39
12.

КОЛЯСКА, ЗАБЫТАЯ У МАГАЗИНА

Ребенок позабыт в шелку коляски.
Мать утонула в блеске магазина.
На крае сумерек уж появилась ночь.
С кровавой ягодкой влечет она корзину.
Клубится и мяучит кот,
Фонарь горит над низкою луной,
Лежит младенец под
Чуть наклоненною стеной.
Жива стена, жив шелк, шуршат пленки
И только нет его, он растворен,
Он ничего не значит,
Как эти крики хриплые вокруг:
Ребенок чей? Уже давно он плачет.
Они кричат как птицы надо льдом,
А он кружась упадает в прорубь.
Коляску метит, пролетев с трудом,
Розовоглазый голубь.
Стопились тени, лед шуршит газетой,
Но площадка разума светится, не погасла,
Хоть испаряется ее святое масло,
Хотя уже дрожит несчастный огонек
И жалобно клонится.
Но где ж она, родимые сосцы, тепло и свет?
Пора бы появиться.
И появляется с авоською она –
Что выплюнуть его на свет решилась
И весело влечет скорей туда,
Где сразу все забылось.
И не заметно ей – младенец растворен
В ночи, как сахара кусочек,
Но он воскреснет вновь, да, выплывет он вновь
До новой тьмы и ночи.

72

[**PAGE 38**]

– 40 –

40
13.

УТРО ВТОРОГО СНЕГА
Ворона, поднявши рваные крылья,
Что-то крикнула и улетела,
Потому что зима пришла,
Площадь бельмом белела,
Поземка свечою шла,
Где-то на Петроградской
Старой слепой стороне,
Которой привычное дело
Гореть в ежегодном огне.
Луны невнятное пятно
Казалось никому не нужным,
Светили звезды так светло,
Огнем чахоточным недужным.
В потемках зимних будто крот
Унылый школьник на убой
По снегу синему бредет.
Кофейник на огне плясал,
Кастрюля рядом с ним ворчала –
Казалось бы, чего ворчать?
Ведь это не она вставала
Сегодня утром ровно в пять.
Шел человек, к его макушке
Была привязана сверкающая нить,
Витого снега бечева –
Чтоб с облаком соединялась
Его больная голова.
А город всех святых встает как на убой.
Святых идет большое стадо,
Глазами белыми светя перед собой.
Куда ты – все равно – и надо
Идти в потемках за тобой.
Желтеют окна школы
Задолго до рассвета,
Над полусонным школьником
Дрожащая планета.
Пока она до сердца
Звоночком добежит
Исподнее черновиков
Одно тебе принадлежит.
Листы мерцают оловом,
Полки неровных букв,
Когда подынешь голову
Уже светло вокруг.
Собака и нищий
И девочка плачет,
Луна все белее летит –
Ужели для всех одинаково значит
Весь этот простой алфавит?
Ужель и у тебя душа,
Размноженный прохожий,
Такая ж дремлет чуть дыша
Под синеватой кожей?
А снег бежит как молоко,
Как лошадь в белой пене,
А молоко, что от рожденья

Лежит в кастрюле без движенья
В звериной лени.

[**PAGE 39**]

– 41 –

41
14.

КОШКА-ДИРИЖЕР

Любовников подогревая,
Апрельской ночью во дворе
Орала кошка, изнывая –
Она была как дирижер,
Хотя у ней немой был хор.
Она визжала, улета
Куда-то ввысь – к подошве рая
И снова до хрипа – спускаясь с высот –
До визга трамвая.
Как наждаком или ножом
Она водила по окошкам,
Развратное кружило пенье –
Звеня сплетались вилка с ложкой
И понедельник с воскресеньем.
Мяуча голос гонит, плачет,
Зовет – как звуковой гипноз
И стало ясно мне – что значит –
прижизненный метапсихоз.
Любовники все были серы,
Все были серые коты,
И все любовницы усаты,
Все лица в пятнах темноты,
Что проступает в час греховный
И у людей и у зверей –
Почти что маска Гиппократы –
Белее лица, тени злей.
И ночь – огромным зверем стала
И всех растлив в одно смешала
И кошка тут за всех орала
Как раз тогда, когда пристало
Стонать и комкать одеяло.
Рассвета ржавое ведро всех разогнало.

[**PAGE 40**]

– 42 –

42
15.

НЕВИДИМЫЙ ОХОТНИК

Может быть – к счастью или позору –
Вся моя ценность только в узоре
родинок, кожу мою испещривших,
в темных созвездьях, небо завывших.
Вот она – карточка северной ночи –
Лебедь, Орел, Андромеда, Возничий,
гроздь и гвоздь и многоточья...
Ах – страшны мне эти отличья!
Нет, ни дар, ни душа, ни голос,
кожа – вот что во мне оказалось ценнее
и невидимый меткий охотник
может крадется уже за нею.
Бывают такие черепахи
и киты такие бывают –
буквы у них на спине и знаки,
для курьезу их убивают.
Но на чем было быть может флейтисту,
духу горному записать музыку,
вот он проснулся среди вечной ночи,
первый схватил во тьме белый комочек
и нацарапал ноты, натыкал
на коже перерожденной, бумажно-нежной...
может ищет – найдет и срежет.
Знают ли соболь, и норка, и белка
сколько долларов стоит их шкурка?
Сгниет ли мозг и улетит душа...
но кожу нет – и червь не съест
и там – мою распластанную шкурку
глядишь, и сберегут как палимпсест
или как фото неба – младенца.
Куда ж мне спрятаться, смыться бы, деться.
Чую дыханье, меткие взоры...
Ах, эти проклятые на гибель узоры.

Март 75г.

[**PAGE 41**]

– 43 –

43
16.

ЭЛЕГИЯ

на рентгеновский снимок моего черепа
Флейтист хвастлив, а Бог неистов –
Он с Марсия живого кожу снял –
И такова судьба земных флейтистов;
И каждому ревнуя скажет в срок –
Ты меду музыки лизнул, но весь ты в тине,
Все тот же грязи ты комок
И смерти косточка в тебе посередине.
Был богом света Аполлон,
Но помрачился –
Когда ты, Марсий, вокруг руки
Его от боли вился.
И вот теперь он бог мерцанья,
Но вечны и твои стенанья.

И мой Бог, помрачась,
Мне подсунул тот снимок,
Где мой череп светясь,
Выбыв из невидимок
Плыл, затмив вечер ранний,
Обнажившийся сад –
Был он плотно-туманный
Жидкой тьмою объят –
В нем какие-то тени и облака
И моя задрожала рука.
Этот череп был мой,
Но меня он не знал,
Он подробной отделкой
Похож на турецкий кинжал –
Он хорошей работы
И чист он и тверд –
Но оскаленный этот
живой еще рот.

Кость – ты долго желтела,
Тяжелела как грех,
Ты старела и зрела; как грецкий орех –
для смерти подарок.
Обнаглела во мне эта желтая кость,
Запахнула кожу как полость,
Понеслася и правит мной
Тормозя у глазных арок.
Вот стою перед Богом в тоске
И свой череп держу я в дрожащий руке –
Боже – что мне с ним делать?
В глазницы ли плюнуть?
Вино ли налить?
Или снова на шею надеть и носить?
Но вернулся он снова и на шею взлетев

напомнил мне для утешенья:

Давно в гостях – на столике стоял его собрат для
украшенья

И смертожизнь он вел засохшего растенья,
Подобьем храма или фиала –
Там было много выпито, но не хватало
И некто тот череп взял и обносить гостей им стал –

[**PAGE 42**]

– 44 –

44
17.

Чтобы собрать на белую бутылку,
Монеты сыпались, звеня по темному затылку,
А я его тотчас же отняла –
Поставила на место – успокойся –
И он котенком о ладонь мою потерся –
За это мне наградой будет то –
Что череп мой не осквернит никто –
Ни червь туда не влезет, ни новый Гамлет в руки
не возьмет.
Когда наступит мой конец – с огнем пойду я под венец,
Но страшно мне другое – это,
Что я в себе не чувствую скелета,
Ни черепа, ни мяса, ни костей,
скорее же – воронкой после взрыва,
Иль памятью потерянных вестей,
туманностью или туманом
иль духом новой жизнью пьяным.
Но ты мне будешь помещенье
Когда засвищут Воскресенье
Ты – духа моего пупок
Лети скорее на Восток.
Вкруг тебя я пыльным облаком
Взметнусь кружась, твердея в Слово,
Но жаль – что старым нежным творогом
Тебя уж не наполнят снова.

ПЛАВАНЬЕ

Я, Игнаций, Джозеф, Крыся и Маня
В теплой рассохшейся лодке в слепительном пылин тумане.
Если Висла – залив, то в ней мы, наверно и плыли,
Были наги – не наги, в клубах розовой пыли
видны друг другу едва как мухи в граненом стакане,
как виноградные косточки под виноградною кожей –
Тело внутрь ушло, а души как озими всхожи
были снаружи и спальным прозрачным мешком укрыли.
Куда же так медленно мы – как будто не плыли, а плыли?

Долго глядели мы все на скользившее мелкое дно.
– Джозеф, на лбу у тебя родимое что ли пятно?
Он мне ответил и стало в глазах темно.
– Был я сторожем в церкви святой Флориана,
А на лбу у меня – смертельная рана,
Выстрелил кто-то, наверно, спяну.
Видишь, – Крыся мерцает в шолке – синем, лиловом,
Она сгорела вчера лома под Ченстоховом
Nie ma już ciała, a boli mnie glowa[1]
Вся она темная, теплая, как подгоревший каштан
"Was hat man dir du armes kind getan"[2]
Что он сказал про меня – не то чтобы было, ужасно –
только не помню я что – понять я старалась напрасно,
не царапнув сознания – его ослепило,
обезглавило – что же со мною там было?
Что бы там ни было – нет, не со мною то было.
Скрывшись привычно в подобии клетки
три канарейки – кузины и однолетки,
отблеском пения тешились. Подстрелена метко
Сгорбилась рядом со мной одноглазая белка.
Речка сияла и было в ней плитко так, мелко.
Ах, возьму я сейчас канареек и белку,
Вброд перейду – что же вы, Джозеф и Крыся? –
Берег – вон он – еще за туманом не скрылся.

1. Уже нету тела, а голова болит (польск.)
2. Что сделали с тобою, бедное дитя (Гете)

[**PAGE 44**]

– 46 –

46
19.

– Кажется только вода неподвижным свеченьем,
Страшно как током ударит теченье
Тянет оно – в одном направленьи
И ты не думай о возвращеньи.

Белкина шкурка в растворе дубеет,
В урне твой пепел сохнет и млеет.
Что там? А здесь солнышко греет.
– Ну а те, кого я любила
их – не увижу уж никогда?
Что ты! Увидишь. И их с приливом
К нам сюда принесет вода.
And if forever[1]
То muzyka byzmi[2] из Штрауса обрывки.
Вода стугулась вся и превратилась в сливки!
Но их не пьет никто. Ах, если бы ты мог
Вернуть горячий прежний гранатовый наш сок,
Который так долго кружился, который – всхлип, щелк –
Из сердца и в сердце – подкожный святой уголек,
Красная нитка строчила, сшивала творенье Твое!
О, замысел один кровообращенья –
Прекрасен ты как ангел мщенья.
Сколько лодок, сколько утлых кружится вокруг
И в одной тебя я вижу, утонувший старый друг
И котенок мой убитый – на плечо мне прыгнул вдруг
Лапкой белой гладит щеку –
Вместе плыть не так далеко.
Будто скрипнули двери –
весел в ключинах взлет,
Темную душу измерить
Спустится ангел как лот..

75.

1. И если навсегда (Байрон)
2. Музыка гремит (польск).

[**PAGE 45**]

– 47 –

47
20.

БАЛЛАДА О СПИРИТИЧЕСКОМ СЕАНСЕ
И ТЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА

И как ленивый вол
Луна взойдет над Тарту
И посредине марта
Поставлен круглый стол,
Три бедные студента
Склонились над столом,
И алфавит и цифры
На столике мелком.
Там духов вызывают
И так глаза блестят
И духи прилетают
И правду говорят.
Нет, в блюдце воплотиться
Не хочется ему – и хочется
Как птица, как девка в терему
Так он трепещет в блюдце
Уже полуживой
Ему не улыбнуться
И не взмахнуть рукой.
И вот оно фарфорово
Теплеет и дрожит
Над буквами летает
И правду говорит,
В муках блюдечко дрожит,
Тень по свечке вниз сбежала
На фаянсовую жизнь
Начинай теперь сначала.
"Это ты или не ты
Или вечный и шальной
Дух назвался вдруг тобой? "

Что, Александр Сергеевич
Будет ли война?"
А он не понимает
И скок на мягкий знак.
"Чегой-то я не понял,
Будет ли война!"
А он им отвечает:
"Не, будет ни хрена".
"Вы, Александр Сергеевич,
Любите собак? "
А он им отвечает
на это – "Еще как!".
В муках блюдечко дрожит
Тень по свечке вверх бежит
Или вечный и шальной
Дух назвался вдруг тобой?
Чтоб увидеть блеск свечи
Как ладони горячи
Боль стекающих минут
Ты забыл и бросил тут?
Электричество зажгли..
Так неловко стало вдруг
Будто кто-то нас обидел
Будто кто из темноты
Видит нас, а мы не видим..
В цуках блюдечко дрожит..

[**PAGE 47**]

– 49 –

49
22.

ВОЗНЕСЕНИЕ

Христос,
одетый в розовые латы,
взвивался,
к его пяте была приклеена голова
солдата.
Не им, но силой той,
которой подчиняются и море, и заря,
как будто воздух тянет
огромная ноздря.
И втянут гражданин был в это,
от дел оторван он летел в костюме
он был не удивлен
и различал с трудом,
сквозь горько-красный дым
тонувший быстро дом
Фетровая шляпа,
носовой платок,
задумавшись навеки
он тер себе висок.
Но тайное мученье
проникло все окрест,
монета судорожно молясь,
в темноте кошелька превращается
в крест.
На вершине водоворота
Христос, одетый в розовые латы,
огромная ноздря тянула воровато
все что ни попадись –
Спасителя, солдата.
Багровый шмель томительно жужжал
и подымался
и в улетающую пятку
жалобно впивался.
И превращается обратно в Слово
тлетворный корень естества земного.

[**PAGE 48**]

– 50 –

50
31.

МОИСЕЙ И КУСТ, В КОТОРОМ ЯВИЛСЯ БОГ

О боже – ты внутри живого мира
Как будто в собственном гуляешь животе
В ужаснувшемся кусте.
Пляшут искорки эфира.
Как скромн ты!
Каким усиьем воли
Ты помещаешься
В одном кусте – не боле.
Как ты стараешься себя сгустить
И ангелов тебя поддерживают крылья
Чтобы нечаянным усиьем
Всего творенья не спалить.
Куст по твоим законам жил
Их затвердив как все, как всё
По осени он цвел дождем
И сыпью розоватой по весне
Необжигающим огнем,
Теперь осыпан как во сне.
Бог Авраама, Бог Иакова,
Творец и крови и Венеры
Тебе не надо светлой Авеля
Души, ты ищешь не любви, а веры,
Но только внутреннюю силу...
Вот Моисей – он прям и груб
Его, конечно, до рожденья
Уже ты пробовал на зуб...
Вот Бог уходит на восток
Такое чувство у куста
Как будто выключили ток,
Как будто плоть его пуста.
Приходит ангел – он садовник,
Он говорит, стирая пыль с куста:
Расти, расти, цвети терновник
Еде ты нужен для Христа.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**PAGE 49**]

– 51 –

51
22.

Equitatus[1]

1. Конница

[**PAGE 50**]

– 52 –

52
23.

ПОДРАЖАНИЕ БУАЛО

Э. Л. Линецкой

Мне нравятся стихи, что на трамвай похожи
Звоня и дребезжа они летят и все же

Хоть косо в стеклах их отражены
Дворы, дворцы и слабый свет луны

Свет слепоты – ночного отблеск бденья
И грубых рифм короткие поленья.

Поэт собой любим, до похвалы он жаден
Поэт всегда себе садовник есть и садик.

В его разодраном размере, где Дионис живет
Как будто прыгал и кусался несытый кот.

Неистовство и простота всего в основе
Как у того, кто измышлял составы крови.

Родной язык как старый верный пес
Когда ты свой, то дергай хоть за хвост.

Но, юный друг, своим считаю долгом
Предупредить, что Муза схожа с волком.

И если ты спознался с девой страшной
То одиночества испробуй суп вчерашний.

Поэт есть глаз, узнаешь ты потом
Мгновенье связанный с ревушим божеством.

Глаз выдранный по ниточке кровавой
На миг вместивший мира боль и славу.

[**PAGE 51**]

– 53 –

53
24.

ОСНОВА ЧУВСТВ

И я – полужелток-полуцыпленок,
Который скорлупу разбить не в силах,
В отчаянии среди пелен-пеленок
Еврей белесой люльки и могилы.

Тончится плоть. Зуб мудрости взошел.
Глаза позеленели.
А чуткий мозг, объяв берцову кость
Наружу лезет – перископом.
И слышит – как музыка сфер свистит
Вулкан считает – раз, два, три,
А там – ворона в Тюильри
Свой чемодан уж собирает –
Домой на Охту вылетает
И только гарью просквозит.
Флейта голубем завьется,
Красным ухнет барабан,
Живое солью вдруг проснется
И всякий мертвый – вечно пьян.
И чувств всех наших – всех шести
Зерно старается одним цветком взрасти.
И кисло то, что было громом
И звон колоколов горчит
И корень чувств встает доходным домом
И кочерыжкой в нас глубоко зарыт.

[**PAGE 52**]

– 54 –

54
25.

БАЛЛАДА, КОТОРУЮ В КОНЦЕ СХВАТЫВАЕТ ПАРАЛИЧ

Поет кобзарь на рынке,
На чем-то небрежно играя,
Скрипят его ботинки,
Как двери рая.
Стоять уставши, пристав сел
Совсем сегодня нету дел
И светлыми глазами людоеда,
казалось, он искал себе обеда.
И вдруг –
Толпа шумит, воронкой ширится –
У кого-то украли курицу.
Курицу ли, помидор –
Все одно – вор.
Мальчик пропал, но нашли инвалида,
Парубка, парня, дедушку, дида.
Вот встал несчастный среди дороги,
Раскинув больше белые руки.
Видит он ветер, ножик луны,
Содрана кожа, почки видны,
Уносит, уносит ветер распада
Правую руку с куском мармелада.
Мальчик убежал, инвалид попался
Быстро, легонько перекрестился
Кто-то в толпе тихо ругался
К инвалиду клонился.
Вот бежит инвалид, не убегая,
Ноги, вроде бегут – одна, другая
И однако же толпа не убывая
За спиной висит рыдая и рыча
Ей кажется – она не догоняет,
А инвалиду, что не убежит
На рынке тихо, падалью воняет
От хризантем несет нашатырем.
Уставши до смерти без задних ног
Пьет мужичонка, наклоня ковшик,
Однако хромовый над ним парит сапог
И пахнет кровью будто коршун.
Рынок затих, баран уснул
Голубь протяжно крыльем взмахнул.

[**PAGE 53**]

– 55 –

55
26.

СТАРОСТЬ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Княгини Дашковой нет
В Академии на острове –
Она под старость лет
Уехала в Москву.

Кто крыс пожалеет?
Кто крыс пожалеет?
Ведь крыса – она
И не жнет и не сеет
И не красива собой.
Эй, крысы, бегите
Скорее
В тот дом на углу
Сначала по крыше, потом в трубу.
Но вы все равно опоздали –
Заступница ваша в гробу.
Поминки. На кухне судачат,
судачат.

Никто, ну никто по ней не заплачет:
"С утра с поздравленьем крысенок к постели,
Он что-то ей пискнет, она ему тоже
И сахар ручкой белой
К его подносит роже.
Как сын-то помер,
Без слез хоронила –
Бог дал, Бог и взял,
Судить, мол, не нам,
А, Машенька, крыса, хвост прищемила
Так плачет и слуг целый день по мордам".

Темнеет сознание,
Лампада дымится,
Вольтер и Руссо
В далеких гробницах.
О старость – свобода.
То делать, что хочешь.
О чем же ты плачешь?
Чего ты бормочешь?
"Или это – стенки гроба
Или это колыбель?
В черном вязаном платочке
Крыса надо мной теперь.
О милая! Как ты похожа
На бабушку – ты так нежна
И утешенья со слезами
Мешаешь так же, как она".
Качает крыса гроб опрятный
Касаясь бедных желтых плеч,
Слова ее непонятны
Как в детстве взрослая речь.
Дует шут в свою свистульку,
Доживи до той поры,
Когда ты свяжешь гроб и люльку
Причудливостью злой игры.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СПЛЕТНИ

И Казанский собор на коленях
Обнимает прохожих и душит

В дыме адской папиросы
В блеске облаков белесых
Стоял корабль – такой курносый
Вокруг шептали – оттого,
Что сын он Павла самого.
Внебрачный и такой похожий
Но от кого же, от кого же?
Как он родился! Как вопил!
Как мачтами он жалко шевелил.
И только горькой невской
Одной воды просил.
Ах мне бы хоть заплатой
На парусе уплыть,
А зебра вся в тельняшке
Стояла б на корме,
Ах, по воде, воде зеленой
Оставить здесь дома прекрасны –
Предмет любви неразделенной.
Как им не стыдно, Боже мой,
Бесстыжей этой мостовой
Влезать в любой открытый глаз
И быть одной – для всех, для нас.
Там где Нева и там где Невка,
Которая как уличная девка –
С любым прохожим.
А может быть им всем понятно –
Любовь должна быть безответна –
Неутомима все равно.
Краше елки новогодней
Там стоит престол господний,
На лице же у Творца
Ужас близкого конца.
Прикрой, укрой водой зеленой
Предмет любви неразделенной.

2.

Г. С. Семенову

Слаще облак райских
Мне приснится вдруг
И немецкий и китайский
Деревянный Петербург.
В трактире длинный и спесивый
Трубку курит и молчит
В стекло спеленутое пиво
Пред ним младенчески шипит.
Бормочет он как в полусне:
"Два города есть в сей стране –
Один город на блинах,
Другой город на плотях
Один – псих, другой – дурак,
Лучше, право, жить в деревне".

[**PAGE 55**]

– 57 –

57
28.

3.
О жажде

О как мучит алкоголика
Жажда страшная под утро.
Хоть воды, раз нету водки –
Шепчет глухо он в тоске.
Но соленая селедка
Ползет по высохшей реке.
Вообще-то жажда столь сильна

бывает,

что ход истории переменяет:

Утлегарь и бом-брам стеньга
Не увидят воду вновь
До песка всю хлещет Стенька
Волгу будто это кровь.
Зеленый Петр появился
И в страшной жажде нем и дик
Шлагбаумом переломился
Губами к Балтике приник.
О как надо человеку,
Чтоб пускай не за окном,
Но хотя б за ближним домом
Мир кончался водоемом!

4.

Окно в Европу
Растворилось –
Открытой раной
Оно дымилось.
Усталый царь привстал со стула,
Поддернув английски штаны,
Балтийским холодком тянуло
В тепло распаренной страны.
В духоту кабаков грязных,
Нет, не всех еще бритвой исцарапал,
Потому во взвизге-грязных-зных
как жмых спадает на пол.
И теперь пахнет водкой,
Тепло как во рту
У царя, наводящего страх.
Наш корабль в парусах
Раскачался-то вверх, то в саду, то в порту
На мужицких скрипучих костях.

5.

Ломтем разваренного мяса
На блюде оловянных вод –
Кронштадт дымится.
Из бывших мокрая столица
Сухую корочку жует.
Там-всего, всего довольно –
Девок, дворников, рабочих
И убийцы, и врачи,
Все включая и диспетчера –
Все в одной рубахе вечера.
И у каждого свои
Смертны очи, руци, нози
И над всем игла уходит
Ввысь как вопли на морозе.

[**PAGE 56**]

– 58 –

58
29.

НОВОСТРОЙКИ

Небо недозрелой дыней
На кладбище завалилось –
На конце трамвайных линий
Столько жизней растворилось.

Где город на излете,
Заплаканные блоки,
В грязи уснувший ботик
И мутных рек истоки –
Унылую окраину – ох, нет –
Я не любила –
Она летит подранена,
Она скользит уныло.
(Их много – сереньких сестриц
Вкруг городов растет –
За ручки все они взялись
И водят хоровод).
Уныла как Палестина
Времен Рождества –
Так униженна местность, смиренна,
Может снова среди грязных и розовых стен
В пятнашки играет Христос.
Но здесь не нашел бы Марию архангел,
Он заблудился б среди блоков и луж без названья,
Бедный угодник,
А ее бы пока изнасиловал плотник.
В мутной луже девица стоит
Прекрасная как грозное облако –
Ах зачем на закате Сусанна ты влезла туда?
Старцы все забивают козла
И не смотрят они на тебя.
Льется дождь золотой по крыше.
Бог нас здесь не найдет, не услышит
И побрезгует чорт.
Только желтая травка все выше
Запинаясь растет.
Скользят тени, тень за тенью
Средь тумана, сора, лома –
Этим все ж благословенны –
И спасете нас от тленья,
Научили вы смиренью –
О коробки Вифлеема!

[**PAGE 57**]

– 59 –

59
30.

Жертвы требует Бог – так скорей же ее принеси
Жизнь на части ты режь, в алюминии, быстро сvari,
Деревянную ложкой по краям разотри.
Ни и что ж она есть? Паста, пепел, дурман,
Просто нечто болимое, некий болящий туман.
А ты грозно курлычешь как старый мальчиший турман
Ах, душа моя тлеет и кровь чуть тепла –
Потом вышла любовь и зеленой луною взошла
Давай же прижмемся скорей к Петропавловскому кресту –
Он розовому телу меди вернет чистоту.
Что же чувствует жертва – когда она видит алтарь –
Ах, сама она чует – что кого-то прирезала встарь
И кому-то тогда было слаще еще и больней,
Жизнь пришла и ушла и все это было не с ней.
Позови ты ее – она снова промчится в ничто
Только кровью и жиром забрызжет пальто
И пока нам другая не подана весть
Будем горькую землю оловянную ложкою есть.
Как режет до края налитый конъюнктивный мешок
Сколько слез в нем зашито, да высохли все в порошок.
Как подробна поверхность резного листа
Жилка здесь, впадинка, острый зубец –
А небес стихия проста,
А для малой вещицы – ювелира резец,
Бесформенность души – залог вечности,
Так не будь же подробным – ужасный наступит конец!
Вот хоть глаз – кто его для примера возьмет –
Жилка алая трижды меняет течение
У Творца столько глины он лепит и мнет,
Не устанет от вечного круга верченья.
О подари – хоть кислым молоком
Косматых коз, запряганных в шиповник,
Монетой ржавою, где грубым молотком.
Навеки выдавлен серебряный любовник.
Он мог бы быть возлюбленным луны
Бессмертным и прекрасным непонятно,
Когда б не эти – едкой кислотой
Крестообразно съеденные пятна.
Они и бывших ангелов язвят,
Когда уж им нет пути назад.

73.

[**PAGE 58**]

– 60 –

60
31.

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ЗВЕЗД
(малая fuga)

Скорей связи сравнений цепью
Весь этот мир
Не то растает; унесется
В глухой эфир.

Он один – хотя их много –
Одинаков навсегда
Древний филин астрологов.
Спотыкаясь всходила звезда
По проволочной лесенке полночи
Она взойдет, повиснет,
качаясь и светясь
Как выдранный на нитке
Качаясь виснет глаз.
Но звезды моря,
когда их много,
Когда их вынесет плавный ток
Летят пригоршнею гороха
В разинутый в ответ зрачок.
Милее всех в окошке сером
Рассвета зимнего тяжелая звезда,
Мерцающая яйцом гусиным тускло
Но вот – ее вдруг прикрывает неба мускул
И объявляет час начало всех забот.
Когда всех прочих звезд песок разрыв,
Влюбленные найдут ее, и не остыв
Они глядят туда на расстоянье
Из стран далеких, чуждой масти
Она им вколет в глаз взамен животной страсти
Вдруг острое друг к другу состраданье.
Астральность намекнув,
Чтоб отлежала бок,
Качнувшись снова пьет
Небес черничный сок.
Еще похоже – будто божество,
Накинув тряпку неба
Себя упрятать захотело,
Но в прорехи звезд
Сияет ослепительное тело.
Еще милее мне тот огонек.
Тот дальний свет в избушке.
И жалко мне, что нет там старика
Брадатого за чая дымной кружкой:
Но он зажгя небесные огарки
Как страж церковный вышел вон.
Но лишь одну звезду увижу я затылком
Она дрожит и пухнет и трясется
В глазах и в зеркале, и в бутылке
На отраженья разобьется:
– Сестра, ты помоги мне, ради Бога,
Какая мертвая дорога,
Я знаю, что меня не слышишь,
И вижу как ты часто дышишь...
Зову ее и не напрасно
на небесах она погасла
И с плеском кинулась в стакан
И он дрожит и синим светом
Холодным светом сиян.

72 г.

[**PAGE 59**]

– 61 –

61
32.

СОНАТА ТЕМНОТЫ

Друг друга заражая тьмой
И злобой всех мы опоили
Как вирусы мы в мир иной
Переползаем с котомкой гнили.

I

Ах что того за гробом ждет,
Кто не избывши злобы
Врагов бессильно проклянет –
Ах чтоб им, чтобы... чтобы...
Последняя вскипает желчь,
обиды, боль и зависть,
Душа должна была все сжечь –
В прощенье переплавить.
И как с пчелы возьмет с тебя
Князь мира темный взяток,
В реторты мечет он гроба,
Поток трясет осадок.
Как слиток он тебя возьмет
И взвесит на руке,
В пыль черную тебя столчет
В зловонном погребке.
И эту пыль сюда в юдоль
В другие вдунет души,
Пусть та же мучает их боль
И злоба та же душит.
Гляди – весь свет на небесах
Черная туча гонит
И смрадной каплей в облаках
Душа твоя потонет.
Не обижайся на Творца,
Ты не помог ему в работе,
Сиянье скрыло пол-лица,
А пол-лица – душ наших копать.

II

По ночам – когда бесы с сетями идут на ловитвы
И сияют щитом и дробятся слезами молитвы –
Так бывает, что малый бесенок,
Чей хвостик так жалок, а голос так тонок
Припадает в слезах к Тебе
И от дьявола хочет отречься,
Хоть боится крестом ожечься –
Осеняет, дымясь грудь себе.
Он тянет лапку с коготками плача к небу,
Но червь не станет яблоком,
А уголь подземный – снегом...
Ты его прогоняешь прочь,
Воротится в свой хлев скотинка,
Под отцовские розги – в ночь,
Потому что он ночи пылинка.
Потому что своим Ты
Все простишь как Петру, а тем –
Пусть невинны, но сами темь –
Не простится грех черноты.
И кого ты проклял, Господь,
Тот уж может не мучить плоть,
А кого от рожденья спас,
Хоть бы весь он в грехах погряз,

[**PAGE 60**]

– 62 –

62
33.

Пусть и весь он растлением выпит –
Ты пошлешь искупления час –
Как послал Ты блуднице Египет.

III

Когда мы закрываем веки
Трепещущих и смертных глаз,
Они как переборки на отсеки
Поделят тьму вовне и тьму что внутри нас.
Но все же ночи тьма
Успела нас налить как пузырек аптечный той же тьмой
И должен ты в ее просторе плыть
Средь волн-волной.
О мыслящая тьма – несешь какую весть?
– Что тьма вокруг и сам я тьма и есть.
Но я смотрю в изнанку век
Как в зеркало – светает изнутри
И смотрит на меня не то чтоб человек
Из глубины души – китайский мандарин.
Алмазный глаз во лбу его один.
Как детская и старая одежда
Слетают муки, страсти и надежды,
Как шкура змия – радости и горе,
Как листовье осеннее, как сон.
Он будет жить, когда меня схоронят,
Он – это я, но я совсем не он.
Неотвратим промерзлый взор
Как смерть, как приговор.
Пусть мрак ослепит душу мне,
Открой глаза, во мглу смотри.
Мне легче вынести тьму вовне,
чем темный свет внутри.

75-76.

[**PAGE 61**]

– 63 –

63
34.

КИНФИЯ
К служанке

Дай мне мази багровой –
Ветрянку у губ успокоить,
Дай, постель подогрев,
Чемерицы в горячем вине.

Ливень льет с утра –
Ледяными хлыстами
Рим сечет как раба,
Пойманного в воровстве.

В клетке кричит попугай –
Разговорился проклятый!
Край наш под мокрым застыл одеялом,
Только там – далеко, в Пиренеях –

На германца идут легионы
В ущельях – как мизинец они,
Что в агонии долго дрожит,
когда тело уже омертвело.

В Риме никто переменчивей нравом
Меня не рождался –
Нынче, куда ни взгляну
Все раздражает меня –

Все верещит попугай
Жалкого жалкий подарок,
Задуши его быстро, рабыня.
Тельце зеленое после в слезах поплывет,
Буду тебя проклинать, но сейчас
задуши поскорее.

Ревут водостоки – сегодня никто –
Ни вор, ни любовник из дому не выйдет
Тщетно в трактире напротив
Мутных не гасят огней.

II

Снова сунулся отец с поученьем:
– Надо жить, мол, не так, а этак.
– Хорошо, и говорю ему, папа,
Больше этого не будет, папаша.

Смотрю я, кроткая, на голову седую.
На руки скрюченные, слишком красный рот.
Говорю я рабам – Немедля
Киньте дурака в бассейн.

Волокут его по мраморному полу,
Он цепляется, а не за что цепляться,
Кровь течет по лицу и слезы:
– Доченька, кричит, прости, помилуй!

Нет! Некормленным муранам на съеденье
Ты пойдешь, развратник и ханжа.
Или представлю – как лев в цирке
Дожевывает его печень.

Ладно, ладно – говорю – я исправлюсь,
Ах, ты бедный мой, старый папа.
Когда тигр вылизал даже пар от крови
Мне стало его чуточку жалко.

В уме казню его по-разному – тыщу
Раз и еще раз тыщу –
Чтоб однажды и в самом деле
Молоток поднят – по виску не стукнуть.

III

К служанке

Как посмела ты, подлая, как посмела!
Тебя мало сослать в деревню,
Выдать замуж за кельтибера,
Что мочою себе зубы чистить,
Иль под цвет души – за абиссинца.
О, наглая! Катулла я твердила,
Бродя по дому тихо – и светильник
В углу стоявший, тень мою длинил –
Она вбежала, топая, из кухни
Таша макрель на золоченом блюде
И наступила прямо мне на – тень –
На голову, а после на предплечье!
А тень моя ее дубленой кожи –
Ведь знает же! – болимей и нежней,
Когда б тебя на той же сковородке
Зажарить с благородною макрелью
И то тебе бы не было так больно
Как мне – когда ты к полу придавила
Своей ножицей – тень от завитка.

IV

К КУПИДОНУ

Боль всегда с тобой, сосунок крылатый.
Хоть и разлюбишь – проститься больно.
У тебя в колчане – стрел всегда вдоволь –
Так зачем, жадный,
В горло упершись,
Стрелку рвешь так сильно
Из засохшей ранки?
Или мстишь, что больше мне не хозяин?
Лучше уж запусти другую,
Не тяни эту, не рви, не трогай –
Запеклась кровь уж.
Так лети себе, не жадничай, мальчик.

V

К МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Чего ты, Септим, пристал к Музе?
Зря гнусавишь, зря ручонками машешь,
Такт отбивая. Надоел ты смертно
Каллиопе, Эвтерпе, а Эрата
И куда бежать от тебя не знает.
Не дергай Музу за подол больше.
Не то смотри – на площади людной
Вселится в тебя громовой голос
И не захочешь – скажешь при людях:

[**PAGE 63**]

– 65 –

65
36.

"Таким как я – хозяевам счастливым
Мордашек гладких, наглых,
Каких стадами на Форум водит
День римский длинный,
С мозгами птичьими и языком длинным
Лишь к смертным женам возделеть можно.
Раз сдернул я туфлю с Музы,
Раз оцарапал я ей лодыжку.
Чтобы гнев богини мимо пронесся –
Поскорей спрячьте от меня подальше,
Люди, добрые, таблички и грифель".

VI

К Клавдии

Клавдия, ты не поверишь – влюбился в меня гладиатор,
Третий сезон поражений он в цирке не знает,
Мне уже сорок, а он молод еще и красив –
Он целомудренный, честный, смуглый, огромный, печальный,
Сын Ганнибалов носил меньше шрамов, чем он.
В цирке всегда, говорит, ищет меня он глазами,
Но не найдет никогда – я ведь туда не хожу.
Сумерки только падут – в двери мои он стучится,
Вечер сидит опираясь на блещущий тяжкий меч.
Тяжко с усилием дышит он через рот и глядит
Страстно и жалобно вместе..
Любовник мой до слез над ним хохочет.
Конечно, не в лицо, ведь он – ты знаешь – трус,
Пороки все в себе соединяет,
Чуть гладиатора видит – прыгает прямо в окно.
"Страсть – говорит гладиатор – мешает сражаться,
Если так дальше пойдет, в Галлию я не вернусь,
Я побеждаю и так уж без прежнего блеска,
Кто-нибудь бойкий прирежет вот-вот"
Что он находит во мне? Хладно смотрю на него,
На глаз оленьих блеск и мощных темных рук.
Что делать, Клавдия, Амур причудлив –
Люблю, несчастная, я лысого уroda,
Что прячется как жалкий раб за дверью.
Чтобы кричать потом – Гони убийцу вон!
Но подлой жалко мне его прогнать,
Когда еще такой полюбит молодец,
а старости вот-вот – они-туманы.
Как сытый волк и на зиму овца..
Я муки длю его, а если – зачехнув от любви
падет он на арене "как жить тогда мне, Клавдия, скажи?"

VII

Как я вам завидую, вакханки,
Вы легко несетесь по нагорьям,
Глаз белки дробят луны сиянье,
Кобылицами несетесь вы степными.
Как-то раз в сторонке я стояла –
Привела меня подружка – мы смотрели –
Вдруг она, не выдержав – забилась
Тоже в пьяной пляске и рванулась
Вслед за вами, про меня забывши.
Я смотрела – ваши рты кривились
И съезжали набок ваши лица,

[**PAGE 64**]

– 66 –

66
37.

Будто бы с плохих актеров маски.
Вы быка живого растерзали
И, давясь его сжирали мясо
И горячей кровью обливались,
Разум выплеснули как рабыня
Выливает в грязь с размаху ведра.
И на вас в сторонке я глядела.
А домой пришла – смотрю – все руки
Расцарапаны – в крови до локтя...
Вот удел твой, Кинфия, несчастный –
на себя ты страсть обрушить можешь,
На себя одну и ни страстинки
Улететь вовне не дашь и малой.
За быком не побежишь нагая...

VIII

К провинциалке

Может вы не знала, абдерянка, –
Кинфию обидеть очень страшно –
Кинфия такие знает травы,
Чары есть у Кинфии такие...
Что спадешь с лица ты, почернеешь,
Будешь ты икать и днем и ночью,
Повар-грек твой будет в суп сморкаться,
Потому что порчу наведу я,
И залечит тебя твой хваленый
Врач-египтянин.
Даже пьяный негр, матрос просоленный,
В долгой по любви стосковавшийся дороге,
Даже он в постель к тебе не ляжет.
Так что лучше ты, абдерянка,
Кинфию забудь, оставь в покое.
Впрочем, пальцем я б не шевельнула,
Если сделаешь мне что дурное –
Все равно Юпитер, знай, накажет.
Кинфию обидеть – очень страшно.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**PAGE 65**]

– 67 –

67
38.

Machinae obsidiales[1]

1. осадные машины (лат.)

ГОРБАТЫЙ МИГ

I.

В Сингапуре пестрых дней
В розовой кружась лодке,
По волнам веселой водки
Я ныряла средь теней,
Счеловеченных неловко.

Горою вспучился залив,
Миг, нечто значащий, горбат,
И звезд вдруг удлинлись гвоздья,
Сосен мерзнущие гроздья –
Тяжкий зимний виноград –
Он чуть подсолен, чуть в укор.
Чего ты вздыбился, залив?
Но он молчит, как будто горд,
Что к небу бросил, не спросив,
Зеленый непрозрачный горб.

2.

Пробуждение

Заката острая игла
Кровавая накалена,
Прямо в сердце впитаться хочет,
В сердце слабое со сна.
Болят соски – натерты
Небритою щекой.
Ты мне чужой, как мертвый,
Мертвец не так чужой.
В зеркало косо взгляну –
Глаза камикадзе,
Только светлей,
Да сигарета пыхтит веселей
И небрежней,
Вдруг быстро и нежно
Мандолина возле уха
Пробежала бойким пони.
Только, только проснулась,
А корабль дня уж тонет.
Засыпала на рассвете
И проснулась я под вечер,
И неделями мне светят
Только лампы, спички, свечи.
Пахнет блуд кавказской травкой,
И козел бежит к козлице –
Для кого-то они блюдо,
Для кого-то они боги,
Для кого-то облака.
И змеи шипенье в страсти,
Потные хладуют руки
На краю как будто счастья
И в краю смертельной скуки.

3

О, несданные бутылки,
Обниму вас, соберу, вас,
Ваши шеи и затылки
С вами я спущусь в подвал,

Где лампа тонко
Пищит и будто бы чадит,
Где очередь стоит
Обиженным ребенком.
Бог тоже там, но он пока молчит,
Хоть слышит он молитву из бочонка.
Он запах перегара, водки, гнили
Вдруг превратит в чистейшую из лилий.
И все, что стоило нам слез,
И все, что было нам как груз
И вся тоска уйдет в навоз,
Чтоб дивный сад на нем возрос
Для Диониса и для Муз.

4.

Я в заснеженном Египте,
Я в развале пирамид –
Будто кто глушил пространство,
Бросил страшный динамит.
Зачем комета к нам летит?
Зачем ты вспучился, залив?
Ответ лежит под белым дном.
Драконом невысоких гор,
Как дева на ветру шарфом,
Загородился.
И побережье все, как спальня,
Где детский сад в свой тихий час резвился,
Где в перьях и подушках пол,
Сползли матрацы, клочья ваты.
Что значит этот миг горбатый?
И что сломалось нынче в мире?
Хоть не узнать вам нипочем,
Мы все гадаем – кто на чем –
На воске кто, кто – на Шекспире.
Быть может, просто чернь минут
Задумала времен сверженье,
Но потерпела поражение,
И белый царствует террор.
В небытие мятежников угонят,
Как, впрочем, всех. Рисунок на ладони
Сместился. Куда-то линии полезли,
И я глажу в глаза созвездий,
Подернутых молочной пленкой –
Щенка невиннее, ребенка –
Они не знают ничего.
Ветшает ткань небес,
Свежа одна лишь булка.
Луна свисает ухом недоумка,
Куда блохою космонавт залез.

5.

Как женщина, когда она в разводе
Румянится, и шьет, и красит брови,
Паук, когда и мух-то нет в заводе,
Уж в январе свой цепкий ромб готовит,
И я вот так – иду сдавать бутылки,
Хотя на сигареты б мне хватило,
Так жалко их – как будто я на рынке,

Они – цыплята, я их год растила,
Они звенят, они пищат в корзинке.

6.

Гляну в зеркало – и снова детский вид,
Время что ли во мне стоит?
И сломались во мне часы?
И я опять подросток нервный.
То жалко грубый, то манерный?
И запылелись только вежи,
С них не смахнуть уже веки
Пыльцу дорожную времен.

7.

8.

Ночью проснулась от крика –
Да это же мне подпиливают переносицу:
Два-три взмаха
напильником,
И путь от глаза до глаза
Опасен – грозит обвалом.
Ах, горб лица, и ты болишь!
Вселенную уронили ребенком,
И она все еще плачет.
Она горбата.
Я видела вчера горбунью юную в аптеке,
Она торговала – такая веселая впрочем,
Мужчина в одежде рабочей
Попросил у нее презервативы,
Так беззащитно и кокетливо
Она ему их подала
И улыбнулась так приветливо.
Чужая боль – как музыкант за стеной:
Мозг раскололся, и любая белка
Его достанет сточенным когтем,
Дыша, кусая мелко-мелко
И в лапках комкая – для друга своего
Несет комочек в домик поднебесный,
Чтоб вместе слопать их святое вещество
И снова ждать, когда оно воскреснет.

9.

Что же значит этот миг?
Отчего он стал горбат?
Но что-то значил он.
Я слышала какой-то крик,
Какой-то страшный был ожог.
Быть может, в стакан вселенной
Брошен яд,
Комет ужасный порошок,
Но в жилах космоса еще не растворился?
Гадалки говорят – верней всего,
Что в будущем году враг человечества родится
И, может, в этот миг родители его
Решили пожениться.

[**PAGE 69**]

– 71 –

71
42.

10

Конек заржавленной луны
Чертил носком дурные сны
В моем мозгу
И дуги, смутные круги
В замерзнувшем пруду.
Знаменья значили: беги –
Или – жди, вот-вот приду?
Встал Новый год не с той ноги
И плакал на углу.
Комета канула во мглу,
И мутно-серым языком
Залижет горб залива.
Опять летит равнина дней,
Ты, время, уравнило шаг.
И мы, как камень муравей,
Твой обползли желвак.

7 февраля 1974 года.

ЧЕРНАЯ ПАСХА

I. Канун

Скопление луж, как стадо мух,
Над их мерцанием и блеском,
Над расширявшимся плеском
Орет вороний хор.
И черный кровоток старух
По вене каменной течет вдоль глаз и притвор.
Апрель, удушенник, черно лицо твое.
Глаза серей носков несвежих,
Твоя полупрозрачна плешь,
Котел – нечищенный, безбрежный
Где нежный праздник варят для народа –
Спасительный и розовый кулеш.

Завтра крашенные яйца
Солнца легкого уют,
Будем кротко целоваться,
радоваться, что мы тут.
Он воскрес – и с ним мы все –
Красной белкой закружились в колесе
и пылинкою в слепящей полосе.

А нынче, нынче все не то,
И в церкву не пройти.
На миг едва-едва вошла
В золотозубый рот кита-миллионера –
Она все та же древняя пещера,
Что, свет сокрыв, от тьмы спасла,
Но и сама стеною стала,
И чрез нее, как чрез забор,
Прохожий Бог кидает взор.
Войдешь – и ты в родимом чреве:
Еще ты не рожден, но ты уже согрет
И киноварью света разодет.
Свечи плачутся, как люди,
Священника глава на блюде
Толпы – отрубленной казалась,
В глазах стояла сырость, жалость.
Священник, шука золотая.
Багровым промелькнул плечом,
И сердца комната пустая
Зажглась оранжевым лучом.
И, провидя длань демиурга
со светящимся мощно кольцом,
В жемчужную грязь Петербурга
Я кротко ударю лицом.
Лапки голубю омыть,
Еще кому бы ноги вымыть?
Селедки выплунутая глава
Пронзительно взглянула.
Хоть глаз ее давно потух,
Но тротуар его присвоил
И зренье им свое удвоил,
Трамвай ко мне, багрея, подлетел
И, как просвирку, тихо съел.
Им ведь тоже, багровым, со складкой на шее,
Нужно раз в году причаститься.

II. Где мы?

Вот пьяный муж
Бульжником ввалился
и дик, и дюж,
заматерился.
Он весь, как божия гроза:
"Где ты была? С кем ты пила?
Зачем блестят твои глаза
И водкой пахнет?
И кулаком промежду глаз
Как жажнет.
И льется кровь, и льются слезы.
За что, о господи, за что?
Еще поддаст ногою в брюхо,
Больной собакой взвизгнешь глухо
И умирать ползешь,
Грозясь и плача, в темный угол,
И там уж волю вою дашь.
Откуда он в меня проник,
Хрипливый, злой звериный рык?
Толпой из театра при пожаре
Все чувства светлые бежали.
И боль и ненависть жуешь.
Когда затихнешь, отойдешь
Он здесь уже, он на коленях
И плачет и говорит: "Прости,
Не знаю как... Ведь не хотел я..
И темные слова любви
бормочет с грустного похмелья.
Перемешались наши слезы,
и я прощаю, не простив,
И синяки цветут как розы.
.....
Мы ведь – где мы? – в России,
Где от боли чернеют кусты,
Где глаза у святых лучезарно пусты,
Где лупцуют по праздникам баб...
Я думала – не я одна –
Что Петербург нам родина – особая страна,
Он – запад, вброшенный в восток,
И окружен, и одинок,
Чахоточный, все простужался он,
И в нем процентщицу убил Наполеон.
Но рухнула духовная стена –
Россия хлынула, дурна, пьяна.
Где ж родина? И поняла я вдруг:
Давно Россиею затоплен Петербург.
И сдернули заемный твой парик,
И все увидали, что ты
Все тот же царственный мужик,
И так же дергается лик,
В руке топор,
Расстегнута ширинка –
Останови же в зеркале свой взор
И ложной красоты смахни же паутинку,
О, Парадиз!
Ты избяного мозга порожденье,

Пропахший щами с дня рождения,
Где ж картинка голландская, переводная?
Ах, до тьмы стая мух засидела родная
И заспала тебя детоубийца,
Порфириносная вдова,
В тебе тамбовский ветер матерится
И окает, и цокает Нева.

Ш. Разговор с жизнью во время
тяжелого похмелья

Багрянит око
Огнем восток
Лимонным соком
Налит висок.
И желт состав,
Как из бутылки,
Пьет жизнь, припав
Вампиром к жилке.
Ах, жизнь, оставь,
Тебе я руку ли не жала.
Показывала – нет кинжала,
А ты, а ты не унялась...
И рвет меня уже полсуток,
О, подари хоть промежуток –
Ведь не коня.
Ну на – терзай, тyani желудок к горлу,
Все нутро – гляди, в нем тоже нет оружия,
Я неопасна, я твоя,
Хоть твоего мне ничего не нужно.
Но, тихая, куском тяжелым мяса,
Она прижмется вся к моим зрачкам:
Жива ль она? Мертва? Она безгласна,
И голос мой прилип к ее когтям.
И, как орел, она несет меня
Знакомыми зелеными морями,
Уронит и поймает, вновь, дразня,
И ластится румяными когтями.
Как сердце не дрожит,
Но с жизнью можно сжиться:
То чаем напоит,
То даст опохмелиться.

IV. Искушение

Воронкой лестница кружится,
Как омут – кто-то, мил и тих,
Зовет со дна – скорей топиться
В камнях родимых городских.
Ведь дьяволу сверзится мило,
И тянет незримо рука
Туда, где пролет ниспадает уныло
Одеждой моей навека.
Он хочет, он хочет вселиться
И крови горячей испить,
И вместе лететь и разбиться,
По камню в истоме разлиться,
И хрустнуть, и миг, да не быть.
Но цепь перерождений –
Как каторжные цепи,

И новый облик душу,
Скокетничав, подцепит.
Ах, гвоздь ведь не знает
Отчего его манит магнит,
И я не знаю, кто со дна
Зовет, манит.
Может, кто-то незримый, родной,
И так же, как я, одинок,...
Торговцам злобный сатана
Чуть-чуть меня не уволок
Конфетой в лестницы кулек,
Легко б лететь спьяна.
Но как представлю эту смесь –
Из джинсов, крови и костей,
Глаз выбитый, в сторонке крестик...
Ах, нет, я думаю, уволь.
А мы – зачем мы воскресаем
Из боли в боль.
И кровь ручонкою двупалой
Светящейся и темно-алой
Тянется в помещенье род лестницей
Где лопаты и метлы
Там-то ее пальчики прижали,
Там они увяли и засохли.

V. На утро

Я плыву в заливе перезвона,
То хрипит он, то – высок до стона.
Кружится колокольный звон,
Как будто машет юбкой в рюшах,
Он круглый, как баранка он,
Его жевать так рады уши.
Христосуется ветер и, косматый,
Облупливает скорлупу стиха,
И колокольня девочкой носатой
За облаками ищет жениха.

VI. Обычная ошибка

Сожженными архивами
Кружится воронье,
На площадь черно-сивую
Нет-нет да плюнет солнце.
И кофеем кружит народ
На городских кругах,
И новобранцем день стоит,
Глядит в сухих слезах.
Бывают дни, такие дни,
Когда и смерть и жизнь
Близнятами к тебе придут,
Смотри не ошибись.
Выглядят они просто –
На них иссиние пальто
Торжковского пошива,
И обе дамочки, они
Торгового пошиба.
Губки крашены сердечком,
И на ручках по колечку,
И я скажу одной из них –
У ней в глазах весна:

[**PAGE 74**]

– 76 –

76
47.

"Конечно, ты – еще бы – жизнь,
Ты, щедрая, бедна".
Но вдруг я вижу, что у ней
Кольцо-то на кости.
И на коленях я к другой:
"Родимая, прости!"
Но в сердце ужас уж поет,
жужжит сталь остря.
Бумагу слово не прожжет.
Но поджелтит края.

24 апреля 1974 г.

СПИСОК СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ, ВОШЕДШИХ В СБОРНИК

1. Башня, в ней клетки.....
2. Соловей спасающий.....
3. Соловей спасающий (стихотворение-двойник)
4. Бурлюк
5. Рондо с примесью патриотизма
- 6.
7. Распродажа библиотеки историка
8. Новорожденному
9. Коляска, забытая у магазина
10. Утро второго снега
11. Кошка-дирижер
12. Невидимый охотник.....
13. Элегия на рентгеновский снимок моего черепа.....
14. Плаванье
15. Баллада о спиритическом сеансе и тени Александра Пушкина.....
16. Бестелесное сладострастие
17. Вознесение
18. Моисей и куст, в котором явился бог.....

-
1. Подражание Буало.....
 2. Основа чувств
 3. Баллада, которую в конце схватывает паралич.....
 4. Старость княгини Дашковой.....
 5. Петербургские сплетни
 6. Новостройки
 7. Жертвы требует Бог
 8. Некоторые виды звезд (малая фуга)
 9. Соната темноты
 10. Кинфия.....

-
1. Горбатый миг.....
 2. Черная Пасха.....
- Комментарии

[**PAGE 76**]

157

78

4

Н. Коняев

СТРАХ

Цыганка сказала: – "Он бояться не должен...
Таким и росли. Он и не боялся ничего. Не боялся темных комнат, не боялся в лес ходить в одиночку. Огня не боялся. Воды не боялся. Не боялся рассказов детских, жутких, где умирает у девочки мать, умирает отец и зовет пятерых подружек девочка, а из-под пола – пять пальцев торчат. И уходит одна подруга и только четыре пальца, и уходит вторая – и три... и когда последняя уходит, нет больше пальцев, только словно бы кровь запеклась на полу. Нет, не боялся, и как девочка эта, сам бы спустился в подпол и пошел бы искать разгадку этому странному, будоражащему кровь страху.

Не боялся, и снова приходила цыганка, сидела на кухне – морщинистая, пронзительноокая. Только взглянула на него, засмеялась, застучала клюкой по полу, погрозила пальцем темным, корявым.

– Испугаешься! – сказала,

– Нет! – ответил он и прошел мимо, руки в карманы засунуты, засвистел под окнами.

Жизнь потом прожил долгую, детей вырастил... Однажды в раскрытую дверь услышал, как рассказывает дочка подружке как замирает от страха тоненький голосок... усмехнулся, снова вспомнил цыганку, задумался.

[**PAGE 77**]

158

79
5

Над диваном, где лежал, обои треснули, стены под ними обклеены были плакатами, картинками разными, ползла в прореху рука – корявая, страшная. Какие-то кресты виднелись вдалеке, пошатнувшаяся ограда. Дом садился сильно. Прореха все больше становилась. Рука тянулась к нему, с каждым днем – все ближе.

Жизнь прожил большую, правильно жил, детей вырастил, дело работал и ничего не боялся – только рука тянулась к нему. Часто думал перед сном: переклеить обои надо, но забывал – дела все, дела... ночь снова руку видел, снова думал: заклеить надо... лежал с открытыми глазами, уже не про обои думал, а о другом..

Жизнь правильная была. Иногда открывал потемневшую книгу, читал... Странно становилось, словно про него написано. Снова ночью лежал с открытыми глазами – рука все ближе к нему тянулась... Не страшно было.

Дом над рекой стоял, на берегу заросли – ивы, ольха, летом соловьи там пели... рука все ближе была... Усмехался только. Во сне снова цыганку видел, смотрела на него – глаза кровавые, в узловатой руке клюка, стучит на него, грозитя.

И снова заботы, а вечером опять книга, – в темной кожанной обложке. Что ж... Правильно жил, правильно. Ночью опять цыганка приходила, смотрела кровавыми глазами... Он руки хотел в карманы засунуть, засвистеть, как тогда. Проснулся. – Праведник ты что ли! – успела ему вслед цыганка крикнуть. – Все во грехе вываляны!

Лежал на кровати, только сердце в груди подпрыгивало.

[**PAGE 78**]

159

80

6

– Праведник ты что ли?! – снова услышал голос цыганки и жутко вдруг стало, а рука, рука рядом уже... Выдохнул воздух, а вдыхать-то и нечего уже. Словно схватила рука за грудь, лицо все перепуталось, побежали глаза куда-то... Еще успел услышать хрипловатый цыганкин смех – умер.

Врачи потом оказали – разрыв сердца. Жизнь прожил долгую, до конца дело работал, умер... похоронили, на кладбище тумбочку со звездой поставили.

Вечерами приходила на могилу цыганка. Плакала...

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**PAGE 79**]

160-a

81

Николай Коняев

АФРИКАНСКИЕ РАССКАЗЫ

Чужая голова
Наследник
Разноухий Савушкин
Обезьянья луна
Паскуда
Логарифмическая линейка Куропатова

[**PAGE 80**]

160

82

2

ЧУЖАЯ ГОЛОВА

По переулку, по асфальту блестящему после дождя катилась голова с усами. Глаза у нее то открывались, то закрывались по очереди, словно бы голова кому подмигивала.

Прохожие шарахались в стороны.

– Граждане! – вдруг закричал какой-то лысый мужчина в очках, – это ж нашего участкового, Хлопкостарова, голова!

А прохожие ругаться стали на очкарика.

– Тоже вот, – говорили они, – выдумал... Да если это участкового голова, то чего же она без фуражки катится?

А голова катилась дальше по переулку.

[**PAGE 81**]

161

83
3

НАСЛЕДНИК

Бабушка Марфа Тимофеевна перегоревших лампочек не выбрасывала.

– Чего же, – говорила она, – подумаешь што волосок сорвался. Остальное-то целое все. Я вот заверну ее в газетку да и оберу подальше...

Такая вот, аккуратная старушка была.

Потом когда померла она, тысячу двести двадцать одну лампочку у нее нашли – и откуда столько?

Наследник Марфы Тимофеевны – лысый толстый мужчина из города – до теенок таскал во двор лампочки. Подойдет к помойке, прищурившись посмотрит на камень, размахнется и – бзык – лампочку об камень... Только стекла летят брызгами.

Целый день он лампочки бил, а вечером, когда уже стемнело все, пошел в сад и повесился там над старым колодцем.

Кончились лампочки-то...

[**PAGE 82**]

162

84

4

РАЗНОУХИЙ САВУШКИН

Правое ухо у Савушкина было выше левого и от этого казалось, что Савушкин все время прислушивается к чему-то. Когда он проходил мимо сослуживцев по коридору, те всегда осуждающе качали головами.

– Ну и ну, – говорили они, – ну и гусь!

– И чего он подслушивает все? – недоумевали они.

– Ну и фрукт!

Они не стеснялись разговаривать громко, потому что все знали, что Савушкин туговат на ухо.

Савушкин не обижался.

Только когда возвращался домой, садился он у себя в комнате на кровать, болтал ногами в воздухе и, обхватив голову, причитал:

– Ой-ей-ёй! Ой-ей-ёюшки! Ну почему все люди, как люди, один я – Савушкин?

А на кухне гремела кастрюлями соседка и сердито ругалась:

– Почему? Почему? Разноухий – потому и Савушкин!

[**PAGE 83**]

163

85

5

ОБЕЗЬЯНЬЯ ЛУНА

Сидела обезьяна под пальмою и на луну выла. Тоскливо ей было и голодно жить – служитель в зоопарке уже вторую неделю запоем пил, не являлся на службу...

[**PAGE 84**]

164

86
6

ПАСКУДА

Матрена Филипповна – комендантша – из одной деревни с ректором.

Часто ее можно видеть на вахте. Развалившись в кресле, она сидит там и смотрит, как проверяет пропуска вахтерша. На Матрене Филипповне яркое шелковое платье с лопнувшим на боку швом.

Иногда она окликает какого-нибудь студента.

– Э-э! – кричит она, – Пашка!

Студент сбегает с лестницы и почтительно останавливается перед Матреной Филипповной.

– Чего, – спрашивает он и лицо у него такое, словно ко всему этот студент готов, даже готов вещи собрать и сию минуту с общежития съехать. Только Матрена-то Филипповна знает, что это не так.

Позевывая она смотрит прямо в лицо студенту, потом вздыхает и говорит:

– А паскуда ты все-таки, Пашка!

– Отчего же? – спрашивает студент и голос его дрожит от обиды.

– Отчего-отчего... – ворчит Матрена Филипповна, она уже и не помнит какая у нее про Пашку мысль была, – делать тебе нечего, вот и чегокаешь ты. Ну право же – паскуда!

И когда студент уходит, снова сидит в своем кресле и, нахмурившись, смотрит, как проверяет пропуска вахтерша.

ЛОГАРИФМИЧЕСКАЯ ЛИНЕЙКА КУРОПАТОВА

Однажды Куропатов, проснувшись с похмелья, увидел на кухонном столе логарифмическую линейку. Должно быть, здесь занимался сынишка-школьник и позабыл ее убрать.

Куропатов взял линейку в руки и попробовал: ходит ли движок? Движок ходил. Куропатов установил на линейке цифру сорок и установил против нее пятьсот. Потом он передвинул движок на нолик и посмотрев на нижнюю шкалу, обомлел – движок стоял на цифре два восемьдесят семь!

– Ы! Ы! – только и смог сказать Куропатов, – водки-то такой уже четыре года в продаже нет... Четыре года сына неправильно учат!

Он схватил с опечка кепку и бросился на улицу.

– У, паскуды! – заорал он, врываясь в учительскую, – четыре года неправильно учите! Думаете, если отец выпивает, так и сына можно не учить? Да я вам!

И начал ломать мебель, пока его не скрутили.

Редакция журнала "37" предлагает вниманию читателей три статьи Дж. Кришнамурти, представляющие собой запись бесед индийского философа с учителями, школьниками и их родителями.

ДЖИДУ КРИШНАМУРТИ /псевдоним – Алсион/ родился в южной Индии г. Мадрас в 1897 году 5 мая в семье брахманов.

Образование получил в Англии. Читал лекции в Европе и Соединенных Штатах Америки.

В 1910 году теософка А. Безант провозгласила его новым мировым учителем и основала для него СЕДЬМОЙ ОРДЕН ЗВЕЗДЫ на Востоке.

В 1929 году Д. Кришнамурти отошел от ордена, поскольку считал, что истина не поддается исследованию, ведущемуся коллективным путем.

Кришнамурти учит, что истина, мир души достигается интенсивным постижением гармонии между миром и Я.

В настоящее время Д. Кришнамурти живет в Соединенных Штатах Америки.

Труды Кришнамурти переведены на многие языки и в 1910-1913 гг издавались по-русски.

ПОДУМАЙТЕ ОБ ЭТОМ!

Страна Истины

/вместо предисловия/

Некоторый человек был уверен, что обычное бодрственное состояние, известное людям, не может быть конечным.

Он искал подлинного Учителя века, прочел много книг, вступал во многие общества, слушал слова и видел дела одного учителя за другим. Он выполнял те наставления и духовные упражнения, которые казались ему наиболее привлекательными. Отдельные его переживания приносили ему воодушевление, в другое же время он ощущал смятение; и он не имел никакого представления о том, на каком уровне он находится, где и когда могут закончиться его искания.

Однажды он случайно оказался около дома мудреца с высокой репутацией – и тут пересмотрел все свое поведение. В саду этого дома он встретил Хыдра, тайного стража, который указывал путь к Истине.

Хыдр привел его в одно место, где он увидел людей, погруженных в великое горе, в глубокую печаль. Он спросил их, кто они такие. "Мы те, кто не следовал подлинному учению, не сохранили верность своим обещаниям, почитали самозванных учителей" – отвечали они.

Затем Хыдр отвел его в другое место, где каждый имел счастливый и радостный вид. Он опять спросил людей, кто они, и те отвечали: "Мы не следовали истинным Знакам Пути".

– Но если вы не увидели Знаков, как можете вы быть счастливыми? – спросил странник.

– Потому что мы избрали счастье вместо Истины, – сказали эти люди, – так же, как и те, кто, избрав самозванцев, выбрали горе.

Но разве счастье не есть идеал человека?

[**PAGE 88**]

186

90
2.

спросил тот.

– Цель человека – это Истина. Истина есть нечто большее, чем счастье. Человек, обладающий Истиной, может иметь любое настроение, какое пожелает, или вообще не иметь никакого, – отвечали ему, – мы ошибочно утверждали, что Истина – это счастье, а счастье – Истина. И люди верили этому и нам, поэтому и ты до настоящего момента воображал, что счастье должно быть тем же, что и Истина. Но счастье делает тебя своим узником, как и печаль – своим.

Тогда человек очутился снова в саду, и Хыдр стоял подле него.

– Я исполню одно твое желание, – сказал Хыдр.

– Я хочу знать, почему мои искания окончились неудачей, и как я мог бы добиться успеха в них, – спросил человек.

– Ты всего лишь растратил свою жизнь, – отвечал Хыдр, – потому что был лжецом. Твоя ложь состояла в том, что ты искал личного удовлетворения, тогда как мог бы искать Истину.

– И все же я дошел до такого места, где нашел тебя, – сказал человек, – а это уж кое-что, ибо удастся далеко не каждому.

– Ты встретил меня потому, – возразил Хыдр, – что обладал достаточной искренностью, чтобы на одно мгновение пожелать Истины ради нее самой. Именно эта искренность в течение одного мига заставила меня ответить на твой зов.

И вот человек ощутил непреодолимое желание найти Истину, даже если бы при этом он потерял самого себя.

Но Хыдр зашагал прочь, а человек пустился за ним вдогонку.

– Ты не можешь следовать за мной, – сказал Хыдр, – ибо я возвращаюсь в мир обычных людей, в мир лжи, где мне и следует быть, если я хочу выполнять свою работу.

[**PAGE 89**]

187

91
3.

Тогда, вновь оглянувшись вокруг, человек понял, что он более не находится в саду мудреца, – а стоит в Стране Истины.

/Идрис Шах

"Мыслители Востока"/

"Новая духовность понимает дух не как отрешенность и бегство от мира, покорно оставляющее мир таким, каков он есть, а как духовное завоевание мира, как реальное изменение его... подчиняя мир внутреннему существованию, всегда глубоко личному, разрушая признаки "общего", т.е. совершая персоналистическую революцию."

/Н. А. Бердяев

"Дух и реальность"/

"Существует абсолютная и неотложная необходимость произвести коренную революцию в человеческом сознании, полную мутацию во всей психологической структуре человека".

/Дж. Кришнамурти/

[**PAGE 90**]

От издателя: Материал данной книги первоначально был представлен в форме бесед с индийскими школьниками, их г преподавателями и родителями; с характерными для Кришнамурти объективностью и прозрением он подвергает рассмотрению выражения того, что мы самодовольно именуем своей культурой; воспитание, религию, политику, традиции. И он бросает яркий свет на такие глубинные мотивы как честолюбие, стяжательство, зависть, стремление к безопасности, желание власти, показывая, что все эти мотивы выступают в качестве факторов, разрушающих изнутри человеческое общество.

Согласно Кришнамурти, подлинная культура – это не воспитание, не обучение, не талант, даже не гений; это то, что он называет "вневременным стремлением найти счастье, Бога, истину".

И вот "когда этому стремлению препятствует авторитет, традиция, страх – тогда налицо разложение", невзирая на таланты и достижения любого отдельного индивида, расы или цивилизации. С бескомпромиссной прямоотой он указывает на ложные элементы в наших взглядах и институтах.

Термины:

гуру – духовный учитель

саньиси – монах, принявший согласно индийским обрядам обеты конечного отречения

пуджа – индийская ритуальная церемония

мантра – священный стих, гимн, песнопение.

ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Интересно, задаем ли мы когда-нибудь вопрос: что значит образование? Зачем мы учимся в школе? Зачем изучаем различные учебные предметы? Зачем сдаем экзамены и соревнуемся друг с другом, добиваясь более высоких степеней? Что такое это так называемое образование? К чему оно нам?

В самом деле это очень важный вопрос – не только для школьника, но так же и для родителей, для учителей, для всякого человека, который любит эту землю.

Почему мы выдерживаем такую борьбу, чтобы стать образованными? Разве только для того, чтобы сдать несколько экзаменов и получить какую-то работу?

Или функция образования состоит в том, чтобы подготовить нас, пока мы еще молоды, к пониманию всего процесса жизни?

Конечно, необходимо иметь работу и зарабатывать себе на жизнь, но разве это и все? Разве мы получаем образование только для этого?

Несомненно, жизнь – не одна лишь работа, не просто какое-то занятие; жизнь представляет собой нечто необыкновенно широкое и глубокое, это – великая тайна, огромная область, в которой мы действуем как человеческие существа. Если же мы будем только готовить себя к тому, чтобы зарабатывать на пропитание, мы упустим всю суть жизни; и понимать жизнь гораздо более важно, чем просто готовиться к экзаменам и добиваться больших успехов в математике, физике или в чем-то другом.

Важно задать себе вопрос: зачем мы даем образование или получаем его? И что такое жизнь? Разве жизнь не представляет собой нечто необыкновенное? Птицы, цветы, расцветающие деревья, небо, звезды, реки и живущие в них рыбы – все это жизнь. Жизнь – это богатые и бедные; жизнь – это постоянная битва между целыми группами людей, между расами и национальностями;

[**PAGE 92**]

190

94
б.

жизнь – это медитация; это так же и то, что мы называем религией; и это так же тонкие, скрытые состояния ума – зависть, честолюбие, страсти, достижения, заботы, страх. Все это и гораздо больше являет собой жизнь. Однако мы готовим себя к тому, чтобы понимать один лишь ее уголок. Мы сдаем какие-то экзамены, находим себе работу, обзаводимся семьей, детьми, а затем все более и более уподобляемся машинам. Мы остаемся погруженными в страх, озабоченными напуганными жизнью.

И вот не в том ли и заключается функция образования, чтобы дать нам возможность понять весь процесс жизни?

Что произойдет со всеми вами, когда вы встанете взрослыми мужчинами и женщинами? Задали вы себе хоть раз вопрос, что вы будете делать? По всей вероятности вы обзаведетесь семьями; и прежде чем вы узнаете, кто вы такие, вы будете отцами и матерями; тогда вы окажетесь привязанными к своей работе или к кухне и постепенно увянете. Неужели это и все, чем будет ваша жизнь? Задавали ли вы себе такой вопрос хоть один раз? И не следует ли задать его себе? Если ваша семья располагает средствами и вы можете уже заранее быть уверены в своем положении – то и тогда вы останетесь подвержены распаду, разрушению. Понятно ли вам это?

Несомненно, образование не имеет никакого смысла, если оно не помогает вам понять огромный простор жизни со всеми ее тонкостями, с ее необычайной прелестью, печалью и радостями. Вы можете приобрести ученые степени, иметь возможность писать рядом со своей фамилией целый ряд званий, добиться очень хорошей работы, а что же будет после этого?

[**PAGE 93**]

191

95
7.

Какой во всем этом смысл, если в течение данного процесса ваш ум становится тусклым, усталым, глупым? И потому, пока вы еще молоды, не следует ли вам искать, – чтобы выяснить, что же такое, в конце-концов, жизнь?

Не в том ли и заключается истинная функция образования, чтобы воспитать в вас такой разум, который будет стремиться найти ответ на все эти вопросы? Знаете ли вы, что такое разум? Конечно, это есть способность мыслить свободно, без страха, без какой бы то ни было формулы, чтобы вы начинали открывать для себя сами, что такое истина; но если вы будете охвачены страхом, вы никогда не будете разумным человеком. Любая форма честолюбия, духовного или мирского, порождает беспокойство и страх; поэтому честолюбие не способствует возникновению ума, который ясен, прост, прям и, следовательно разумен.

Знаете, пока вы молоды, для вас действительно важно жить в условиях полного отсутствия страха. Большинству из нас с возрастом становятся подвластными страху: мы боимся жизни, боимся потерять работу, боимся нарушить традицию, боимся того, что скажут соседи, муж или жена, боимся смерти. Большинство из нас охвачено страхом в той или иной форме; а там, где существует страх, там нет разума. Но разве для нас невозможно в молодости находиться в такой сфере, где нет никакого страха, где царит скорее атмосфера свободы, – не свободы делать что угодно, а свободы в понимании целостного процесса жизни? В действительности жизнь так прекрасна; это совсем не та уродливая вещь, какую мы из нее сделали; и вы сможете оценить её богатство, её глубину, её чрезвычайную прелесть только тогда, когда восстанете против всего – против организованных религий, против традиций, против нынешнего прогнившего общества, – так чтобы вы сами, как человеческое существо, нашли для себя то, что является истинным. Не подражать, а открывать – вот что такое образование, не правда ли?

Очень легко приспособиться к тому, что вам говорит общество или говорят ваши родители и учителя. Это безопасный и легкий способ существования; но это не жизнь, ибо в нем налицо страх, распад, смерть.

[**PAGE 94**]

192

96
8.

Жить – значит найти для себя самого, что такое истина; и вы сможете сделать это только тогда, когда будет существовать свобода, когда внутри вас, в глубине вашего существа будет совершаться непрестанная революция.

Но к этому вас не поощряют; никто не говорит вам, чтобы вы задавали вопросы, чтобы вы открыли для себя, что такое Бог.

Потому что если бы вы восстали, вы явились бы опасностью для всего ложного. Ваши родители и все общество хотят, чтобы вы жили в безопасности, да и сами вы этого хотите. Жизнь в безопасности обычно означает, что вы живете среди ограничений – и поэтому живете в страхе. Итак, функция образования состоит в том, чтобы помочь каждому из нас жить свободно, без страха, не так ли? А создание атмосферы, в которой нет страха, требует с вашей стороны многих раздумий – равно как и со стороны учителя, воспитателя.

Знаете ли вы, что это такое? Какой необыкновенной вещью было бы создание атмосферы без страха? И мы должны её создать, потому что видим как мир оказался уловлен в бесконечные войны, как им руководят политики, всегда ищущие власти. Это мир законодателей, полицейских и солдат, мир честолюбцев мужского и женского пола, они все жаждут высокого положения, ради которого они сражаются друг с другом. Затем в нем существуют так называемые святые люди, религиозные гуру со своими последователями; и они тоже хотят власти, положения – здесь или в будущей жизни. Этот безумный мир пребывает в полном смятении; в нем коммунист борется против капиталиста, а социалист противостоит им обоим. В нем каждый человек выступает против, кого-то другого, стремясь пробраться к безопасному месту, занять положение, дающее власть и комфорт. Этот мир раздираем на части враждующими верованиями, отдельными национальностями, жестокостью и глупостью во всех видах – и вот это-то и есть тот мир, к которому мы должны приладиться при помощи образования. Вас поощряют к тому, чтобы вы вошли в рамки этого ужасного общества; таково желание Ваших родителей, да и ваше собственное.

Итак, в чем же состоит функция образования?

[**PAGE 95**]

193

97
9.

В том лишь, чтобы помочь вам приспособиться к порядку этого прогнившего общества, или в том, чтобы предоставить вам свободу – полную свободу расти и создавать иное общество новый мир? Нам нужно иметь такую свободу – не в будущем, а сейчас, иначе мы все можем быть уничтожены. Мы должны создавать атмосферу свободы, так чтобы вы могли жить и находить самостоятельно то, что истинно; чтобы вы стали разумными людьми; чтобы вы могли прямо смотреть на мир и понимать его, а не просто приспосабливаться к нему; так чтобы во внутренней жизни, в глубине своего существа, психологически, вы пребывали в непрерывном восстании. Ибо только те, кто пребывает в непрерывном восстании, открывает то, что истинно, – а не такой человек, который приспосабливается, который следует какой-то традиции. И лишь тогда, когда вы постоянно исследуете, постоянно наблюдаете, постоянно учитесь, – лишь тогда вы найдете истину, Бога, или любовь. И вы не сможете исследовать, наблюдать, учиться, вы не сможете пребывать в состоянии глубокого сознания, если вы будете испытывать страх. Итак, функция образования, несомненно, состоит в том, чтобы искоренить этот страх и во внешней и во внутренней жизни – ибо он разрушает человеческую мысль, человеческие взаимоотношения и любовь.

ВОПРОС: А не думаете ли вы, что если бы каждый человек в отдельности пребывал в состоянии восстания, в мире наступил бы хаос?

КРИШНАМУРТИ: Сначала вслушайтесь в этот вопрос, потому что очень важно понять вопрос, а не просто ждать ответа.

Вопрос таков: если бы все люди в отдельности пребывали в состоянии протеста, не наступил бы в мире хаос?

Но разве нынешнее общество находится в таком совершенном порядке, что если каждый человек восстанет против него, результатом будет хаос? Разве именно сейчас не существует хаоса? Разве в мире все прекрасно и нерушимо? Разве каждый человек живет счастливой, полной и богатой жизнью? Разве человек не стоит против человека? Разве не существует честолюбия, безжалостного соперничества? Так что мир уже погружен в хаос, и это нужно понять прежде всего. Не считайте неоспоримым, что это общество находится в порядке. Будь то Европа, Америка или Россия – мир находится в процессе распада. И если вы видите этот распад,

[**PAGE 96**]

194

98
10.

перед вами вызов – вызов, который требует, чтобы вы нашли способ немедленно разрешить данную проблему. И разве не важно, как вы отвечаете на этот вызов? Если вы отвечаете на него как индуист или буддист, как христианин или коммунист, тогда ваш ответ весьма ограничен – и это уже совсем не ответ. Он может быть полным, адекватным лишь тогда, когда вы мыслите не как индуист, коммунист или капиталист, а как целостная человеческая личность, которая стремится разрешить проблему; и вы не сможете её разрешить, если сами не восстанете против всего этого порядка, против честолобивого стяжательства, на котором основано общество. Когда вы сами не будете честолобивы, не станете стремиться к приобретениям, не будете привязаны к собственному благополучию, – только тогда вы сможете ответить на этот вызов и создать новый мир.

ВОПРОС: Восставать, учиться, любить – имеем ли мы тут три различных процесса? Или эти процессы протекают одновременно?

КРИШНАМУРТИ: Конечно, это не три отдельных процесса, а один единый процесс. Видите ли, очень важно выяснить, что означает данный вопрос. Этот вопрос основан на теории, а не на опыте, он имеет лишь словесный, интеллектуальный характер и потому не обладает существенным значением. Бесстрашный человек, который восстал, который прилагает усилия к тому, чтобы выяснить, что же такое учиться и любить – этот человек не спросит, один здесь процесс или три.

Мы так искусны в обращении со словами. Поэтому мы думаем, что, предложив те или иные объяснения, мы разрешим проблему.

Знаете ли вы, что такое учиться?

Когда вы действительно учитесь, вы учитесь в течение всей жизни, и для вас нет какого-либо особого учителя, который учил бы вас. Тогда вас учит все – опавший лист, летящая птица, запах, слезы; богач и бедняк; люди, которые плачут; улыбка женщины и высокомерие мужчины. Вы учитесь от всего; и потому здесь нет наставника, философа, гуру. Ваш учитель – сама жизнь, и вы пребываете в состоянии постоянного учения,

[**PAGE 97**]

195

99

11.

ВОПРОС: Это правда, что общество основано на стяжательстве и честолюбии, но если бы мы были лишены честолюбия, разве мы не оказались бы в состоянии упадка?

КРИШНАМУРТИ: это действительно важный вопрос, – он требует большого внимания.

Знаете ли вы, что такое внимание? Давайте выясним это. Когда вы сидите в классе и глядите в окно или тянете кого-то за волосы, учитель велит вам быть внимательным. А что это значит? Это значит, что вам не интересно то, чему вы учитесь, поэтому учитель принуждает вас быть внимательным; но это совсем не есть внимание. Внимание приходит тогда, когда вас что-то глубоко интересует, ибо в таком случае вы с любовью узнаете об этом предмете все, – тогда здесь налицо весь ваш ум, все ваше существо.

Точно также, когда вы понимаете, что данный вопрос – не придем ли мы в упадок, если у нас не будут честолюбия? – в самом деле весьма важен, вы ощущаете интерес и желаете выяснить истину всей проблемы.

Посмотрим теперь, разве честолюбивый человек не разрушает самого себя? Это первая вещь, которую нужно установить, – а не вопрос о том, правильно или не правильно быть честолюбивым. Оглянитесь вокруг, понаблюдайте за всеми теми людьми, которые честолюбивы. Что происходит внутри вас, когда вы честолюбивы? Вы думаете о себе, не правда ли? Вы жестоки, вы норовите столкнуть с дороги других людей, потому что вы стремитесь воплотить свои честолюбивые замыслы, вы стараетесь стать большим человеком. Благодаря этому вы создаете в обществе конфликт между теми, кому сопутствует успех, и теми, кто остается позади. Между вами и другими, когда они стремятся к тому же, что и вы, идет постоянная битва. Разве этот конфликт может создать творческую жизнь?

Разве вы бываете честолюбивы, когда вам нравится что-то делать просто так, ради самого дела? Когда вы делаете нечто всем своим существом, не потому, что хотите куда-то пройти, или получить большие выгоды, или более высокие результаты, а просто потому, что вы любите это делать – разве здесь есть честолюбие? Тут нет соревнования, и вы не с кем не боретесь за первое место.

И не должно ли образование помочь вам установить, что вам действительно нравится делать, так чтобы вы с самого

[**PAGE 98**]

196

100
12.

начала жизни и до ее конца занимались тем, что ощущаете нужным, что имеет для вас глубокое значение? Иначе вы останетесь несчастным до конца своих дней.

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ

Мне хотелось бы обсудить с вами проблему свободы, это очень сложная проблема, которая требует глубокого проникновения и понимания. Мы слышим так много разговоров о свободе – о религиозной свободе, о свободе делать то, что хочется. Обо всем этом ученые написали целые тома. Но я думаю, что нам можно подойти к этой проблеме весьма просто и непосредственно, – и, возможно, именно такой подход приведет нас к подлинному ее решению.

Мне интересно было бы знать, случалось ли вам когда-нибудь остановиться, чтобы посмотреть на чудесный отсвет садящегося на западе солнца, когда молодой месяц только-только всплыл над деревьями. Зачастую в это время река бывает совершенно спокойной, и тогда на её поверхности отражено все окружающее: мост, проходящий по нему поезд, нежная луна, а когда совсем стемнеет, в реке отражены звёзды. Все это прекрасно. И для того, чтобы наблюдать, чтобы следить, чтобы отдать чему-то прекрасному все своё внимание, разве не нужно нашему уму освободиться от озабоченности? Его не должны занимать различные проблемы, тревоги, спекуляции. Только тогда, когда ум охвачен глубоким спокойствием, вы сможете по-настоящему наблюдать, ибо тогда он чувствителен к необычайной красоте, может быть, как раз здесь и находится ключ к нашей проблеме свободы.

Так что же это значит – быть свободным? Разве свобода заключается в том, чтобы делать то, что вам кажется подходящим, идти туда, куда вам хочется, думать о том, о чем вы хотите? Вы и так это делаете. Просто обладать независимостью – означает ли это свободу? В мире много независимых людей, но весьма немного людей свободных. А свобода предполагает большой разум, не правда ли? Быть свободным – значит быть разумным; но разум не проявляется тогда, когда человеку просто хочется быть свободным; он проявляется только тогда, когда вы начинаете понимать все то, что вас окружает – влияния общества, религии, родителей, традиций, которые постоянно действуют вокруг

[**PAGE 99**]

197

101
13.

вас. Но для того, чтобы понимать эти разнообразные влияния, исходящие от правительства, от ваших родителей, от общества, от культуры, к которой вы принадлежите, от ваших верований, богов и суеверий, от традиций, к которым вы приспосабливаетесь без размышлений – чтобы понимать все это и быть от всего свободным требуется глубокая пронизательность; а вы обычно подчиняетесь влияниям потому, что в глубине души ощущаете страх. Вы боитесь не иметь хорошего положения в жизни, вы боитесь отступить от традиции, совершить неправильный поступок. А действительная свобода – это такое состояние ума, в котором нет страха или принуждения, нет стремления быть в безопасности.

Разве большинство из нас не желает находиться в безопасности? Разве нам не хочется слышать о себе самые одобрительные отзывы, слышать, как хорошо мы выглядим, как необыкновенно умны? Иначе мы не писали бы после фамилии различные ученые степени. Все подобные вещи придают нам уверенность в себе, чувство значительности. Каждому из нас хочется известности; но в тот самый момент, когда мы желаем быть чем-нибудь, мы более не свободны.

Пожалуйста, уясните это потому что, здесь лежит настоящий ключ к пониманию проблемы свободы. В то мгновение, когда вы захотели стать кем-то, вы более не свободны, – будь то в мире политиков, власти, положения и авторитета, или в так называемом, духовном мире, где вы добиваетесь добродетели, благородства, святости. Однако, любой человек, мужчина или женщина, который видит абсурдность всех этих вещей, чье сердце поэтому остается простым и благодаря этому не движется желанием быть кем-то, – такой человек свободен. Если вы поймете, насколько все это просто, вы откроете в данном факте также чрезвычайную красоту и глубину.

В конце-концов, все экзамены служат одной цели: дать вам положение, знания поощряют вас к тому, чтобы вы были чем-то. Разве вы не заметили, как ваши учителя и родители говорят, что вам необходимо чего-то достичь в жизни, что вы должны достичь успеха, подобно своему дяде или дедушке? Или вы стараетесь

[**PAGE 100**]

198

102
14.

подражать примеру какого-то героя, быть похожим на вождей, учителей, или святых, так что вы никогда не бываете свободны. Следует ли вы примеру некоего духовного учителя или святого или действуете в согласии с какой-то особой традицией, или стремитесь быть похожим на своего родственника, – все это налагает на вас требование быть чем-то; и вот только тогда, когда вы по-настоящему поймете этот факт, – только тогда появится свобода.

Таким образом функция образования состоит в том, чтобы помочь вам с самого детства никому не подражать, а все время быть самим собой. И сделать это – труднейшая вещь: невзирая на то, безобразны вы или красивы, завистливы или ревнивы, – всегда быть тем, что вы есть, понимая однако данный факт. Быть самим собой очень трудно, ибо вы считаете свое состояние неблагородным, думаете, что если бы вы только могли измениться во что-то благородное, это было бы чудесно. Однако, последнее никогда не случается. Между тем, если вы взгляните на то, что вы в действительности представляете собой, и поймете это, тогда в самом таком понимании заключено преобразование. Итак, свобода заключается не в том, чтобы стараться сделаться чем-то иным, не в том, чтобы поступать как вам заблагорассудится; она не в следовании авторитету традиции, родителей, гуру, а в понимании от одного мгновенья к другому того, что вы такое.

Видите ли, вас к этому не подготавливали, ваше образование поощряет вас к тому, чтобы вы стали тем или другим; но это не есть понимание самого себя. Ваше "я" – весьма сложная вещь; это не просто существо, которое ходит в школу, ссорится, играет в разные игры, боится, – это также нечто скрытое и не очевидное. Оно составлено не только из всех мыслей, которыми вы думаете, но и из всего того, что было вложено в ваш ум другими людьми, книгами, газетами, вашими руководителями; и понять все это возможно только тогда, когда вы не желаете быть кем-то, не стремитесь подражать, когда вы никому и ничему не следуете, – а все это в действительности означает, что вы восстали против традиции, состоящей в стремлении стать чем-нибудь. Это и есть единственная истинная революция, которая ведет к необыкновенной свободе. Культивирование свободы и является подлинной функцией образования.

[**PAGE 101**]

199

103

Ваши родители, ваши учителя, собственные ваши желания хотят, чтобы вы с чем-то себя отождествляли дабы стать счастливыми людьми, пребывающими в безопасности. Но разве вы не должны преодолеть все те влияния, которые вас поработают и подавляют? Не должны ли вы быть разумными существами?

Надежда нового мира – в тех, кто начинает видеть ложь и восстает против нее, причем не только на словах, но и на деле. И вот почему у вас есть необходимость искать образование правильного типа; ибо только тогда, когда вы будете расти в свободе, вы сумеете создать новый мир, который не основан на традиции, не построен в соответствии с особыми склонностями какого-нибудь философа и идеалиста. Но пока вы просто стремитесь стать кем-нибудь или подражать какому-то благородному примеру, свободы быть не может.

ВОПРОС: Что такое разум?

КРИШНАМУРТИ: Давайте подойдем к этому вопросу очень медленно, терпеливо, – и выясним, что такое разум. Но выяснить – не значит прийти к какому-то заключению. Не знаю, видите ли вы здесь разницу: в тот момент, когда вы приходите к выводу о том, что такое разум, вы перестаете быть разумным существом. Большею частью именно это и сделали пожилые люди: они пришли к определенному заключению. Поэтому они перестали быть разумными людьми. Итак, вы сразу выяснили одну вещь: мыслящий ум – это такой ум, который постоянно узнает и никогда не приходит к заключениям.

Что же такое разум? Большинство людей удовлетворяются определениями разума. Или они говорят: "Это хорошее определение", или предпочитают свое собственное; а ум, который довольствуется каким-то объяснением, является весьма посредственным, поверхностным, поэтому он не может быть мыслящим.

Вот вы уже начали видеть, что мыслящий ум – это ум, который не довольствуется объяснениями, умозаключениями, это не такой ум, который верит, ибо вера есть опять-таки другая форма умозаключений. Мыслящий ум – это исследующий ум, который наблюдает, узнает, изучает. А что это значит? Что разум только там, где нет страха, он существует, когда вы желаете восстать, пойти против всей

[**PAGE 102**]

200

104
16.

общественной структуры для того, чтобы выяснить, что такое Бог, или раскрыть истину любого явления.

Разум не есть знание. Если бы вы смогли прочесть все книги в мире, это не дало бы вам разума. Ибо разум – нечто весьма тонкое; у него нет определенного местопребывания. Он проявляется только тогда, когда вы понимаете тотальный процесс ума – не ума согласно учению какого-то философа или учителя, а вашего собственного ума. Ваш ум – это результат всего человечества; и когда вы поймете его, вам не будет нужно изучать ни одну книгу, потому что ум содержит все знание прошлого. Итак, разум проявляется с пониманием себя; и вы сумеете понять себя только в своих отношениях к миру людей, вещей и идей. Разум не есть нечто такое, что можно было бы приобрести, подобно учености. Он возникает только вместе с великим протестом, когда нет никакого страха, – что на деле означает наличие чувства любви. Ибо когда нет страха, тогда существует любовь.

Если вас интересуют только объяснения, тогда, боюсь, вам покажется, что я не ответил на ваш вопрос. Вопрос о том, что такое разум, похож на то, как если бы вы спросили, что такое жизнь. Жизнь – это ученье, игра, пол, труд, ссоры, зависть, честолюбие, красота, любовь, истина, – жизнь охватывает все, неправда ли? Но видите ли, у большинства из нас нет терпенья для того, чтобы серьезно и обстоятельно провести такое исследование.

ВОПРОС: Может ли грубый ум сделаться чувствительным?

КРИШНАМУРТИ: Прислушайтесь к этому вопросу и к смыслу, скрытому в словах. Может ли грубый ум стать чувствительным? Если я скажу вам, что мой ум груб, и я стараюсь стать чувствительным, само это усилие сделаться чувствительным есть грубость. Пожалуйста, уясните это; не будьте заинтересованными, а просто понаблюдайте. Если, в то же время, я признаю, что я груб, не желая при этом измениться, не пытаюсь стать чувствительным, если я начну понимать, что такое грубость, день за днем наблюдать её в своей жизни, – как жадно я ем, как невежливо разговариваю с людьми, какая гордость, надменность и грубость свойственны моим привычкам и мыслям, – тогда само это

[**PAGE 103**]

201

105
17.

наблюдение преображает то, что есть.

Точно также, если я глуп и говорю, что мне необходимо стать умным, усилие стать умным является лишь больше формой глупости; ибо то, что важно, – это понять глупость. Сколько бы я не старался сделаться умным, я останусь глупым. Я могу приобрести поверхностный лоск учености, могу научиться приводить цитаты из книг, – но в основе своей я все еще буду глупым. Но, если я увижу и пойму глупость – в том виде, в котором она выражается в моей повседневной жизни: как я веду себя с друзьями, как я смотрю на своего соседа, на бедняка, на богатого человека, – тогда само это осознание принесет с собой разрушение глупости.

Попробуйте это. Проследите за собой, когда вы разговариваете с уборщицей, понаблюдайте с каким огромным почтением вы относитесь к театральному администратору и как мало уважения вы высказываете человеку, который ничего не может вам дать. Тогда вы начинаете обнаруживать, как вы глупы; и в понимании этой глупости заключается разум, чувствительность. Вы не должны становиться чувствительным. Человек, который старается стать чем-то, оказывается уродливым, нечувствительным, и такой человек груб.

ВОПРОС: Как может ребенок узнать, что он такое, без помощи родителей и учителей?

КРИШНАМУРТИ: Разве я говорил, что он может это сделать? Или вы так толкуете то, что я сказал? Ребенок узнает все о себе, если окружение, в котором он живет, помогает ему это сделать. Если родители и учителя как следует позаботятся о том, чтобы молодой человек узнал, что он такое, они не станут принуждать его, они создадут для него такие условия, в которых он примет к познанию самого себя.

Вот вы задали этот вопрос; но представляет ли он для вас жизненно важную проблему? Если вы глубоко ощутили, как важно, чтобы ребенок узнал себя, если вы почувствовали, что он не может этого сделать, когда будет находиться под властью авторитета, почему вы не поможете ему в создании надлежащего окружения? Это

[**PAGE 104**]

202

106
18.

опять тот же самый старый подход: скажите мне, что делать и я это сделаю. Мы не говорим: "Давайте выясним это вместе".

Данная проблема – вопрос о том, как создать условия, при которых ребенок сможет обладать знанием себя – касается всех: родителей, учителей и самих детей. Но знание себя не может быть результатом чужого влияния, понимание не может быть принудительным; и если эта проблема является жизненной для вас и для меня, для родителя и для учителя, тогда мы вместе создадим школы правильного типа.

ВОПРОС: Дети рассказывают мне, что видели в своих деревнях странные явления: одержимых, призраков, духов и тому подобное. Они также спрашивают о смерти. Что можно сказать обо всем этом?

КРИШНАМУРТИ: Со временем мы разберемся в том, что такое смерть. Но, знаете, страх – необыкновенная вещь. Вам, детям, о призраках рассказывали ваши родители или более старые люди, иначе вы, вероятно, не видели бы никаких духов. Кто-то сообщил вам и об одержимости. Вы слишком молоды, чтобы знать об этих вещах; это не ваш собственный опыт, а отражение того, что вам говорили пожилые люди. И сами они зачастую ничего об этом не знают, а просто прочли все в какой-нибудь книжке и решили, что поняли явление. Все это порождает совершенно иной вопрос: а существует какой-либо опыт, который не был бы запятнан прошлым? Если же опыт загрязнен прошлым, тогда это только продолжение прошлого – и потому не является оригинальным переживанием.

То, важно, чтобы те из вас, кто имеет дело с детьми, не внушали бы им свои собственные заблуждения, собственные представления о призраках, свои собственные частные идеи и переживания. Избегнуть этого очень трудно. Важно, чтобы пожилые люди, обыкновенно сами ничего не знающие о подобных вещах, не разговаривали бы о них в присутствии детей, а помогали бы создавать такую атмосферу, в которой дети могут расти свободно и без страха.

[**PAGE 105**]

203

107
19.

СВОБОДА И ЛЮБОВЬ

Может быть некоторые из вас не вполне понимают то, что я говорю о свободе; однако, как я указывал, очень важно подвергаться влиянию новых идей, чему-то такому к чему вы не привыкли. Хорошо видеть прекрасное, но вы должны также наблюдать и уродливые стороны жизни, вы должны быть пробужденными ко всему. Точно так же вы должны подвергаться и таким воздействиям, которые могут для вас оказаться не вполне понятными; ибо чем более вы будете думать и размышлять над ними, – что, пожалуй, окажется для вас несколько затруднительным, – тем большей станет ваша способность жить содержательно.

Я не знаю, замечал ли кто-либо из вас, как отражается солнечный свет на воде рано утром. Как необыкновенно мягок этот свет, как пляшут темные воды, отражая утреннюю звезду над деревьями, единственную звезду на небе. Замечали ли вы вообще когда-нибудь нечто подобное? Или вы настолько заняты, настолько поглощены ежедневной рутинной, что не помните, не знаете о богатстве и прелести этой земли, на которой приходится жить каждому из нас? Эта земля наша – независимо от того, называем мы себя коммунистами, капиталистами, индуистами, буддистами, мусульманами или христианами; это наша земля, кем бы мы ни были – слепыми, хромыми или здоровыми и счастливыми. Понимаете ли вы все это? Это наша, а не чья-то чужая, это не только земля богачей, она не принадлежит исключительно власти имущим. Но эта наша земля, ваша и моя. Мы – никто, однако и мы тоже живем на этой земле, и всем нам необходимо жить вместе. Этот мир принадлежит бедным, как и богатым, неграмотным, как и ученым; это наш мир, и я думаю, что очень важно чувствовать это и любить землю не только в отдельных случаях, – как в это спокойное утро, – но и во всякое время. Однако мы сможем ощутить, что этот мир принадлежит нам, полюбить его, только тогда, когда поймем, что такое свобода.

В настоящее время такого явления, как свобода, не существует; и мы не знаем, что это такое. Нам хочется быть свободными; но обратите внимание на то, что каждый человек – учитель, родитель, юрист, полицейский, солдат, политик, бизнесмен, – любой из них в своем уголке делает что-то для того,

[**PAGE 106**]

204

108
20.

чтобы не допустить этой свободы. Быть свободным – не значит просто делать, что вам нравится, или избавиться от связывающих вас внешних обстоятельств – это значит понять всю проблему зависимости. Знаете ли вы, что такое зависимость? Вы зависите от своих родителей, не так ли? Вы зависите от учителей, от дворника, от почтальона, от молочника и так далее. Зависимость подобного рода понять совсем не трудно. Но существует гораздо более глубокая зависимость особого рода, которую необходимо понять прежде, чем мы сможем стать свободными: это зависимость в своем счастье от другого человека. Знаете ли вы, что такое зависимость от кого-то в своем счастье? Это не просто физическая зависимость от другого, которая так связывает, но внутренняя, психологическая зависимость, в которой вы черпаете так называемое, счастье; ибо, когда вы таким образом зависите от другого, вы становитесь рабом. Если, становясь старше, вы будете зависеть в эмоциональном отношении от родителей, от жены, от мужа, от какого-нибудь гуру или от какой-то идеи, – это уже окажется началом рабства. Но мы этого не понимаем, хотя большинство из нас, особенно в молодости, желает свободы.

Для того, чтобы оказаться свободным, мы должны восставать против всякой внутренней зависимости; и мы не способны восстать, если нам не понятно, почему мы находимся в зависимости. До тех пор, пока мы этого не поймем и не освободимся по-настоящему от какой-бы то ни было внутренней зависимости, мы никогда не сможем быть свободными, ибо свобода может существовать только в результате такого понимания. Однако свобода не есть просто реакция. Знаете, что такое реакция? Если я скажу нечто, для вас обидное, если я дам вам какую-нибудь дурную кличку, и вы рассердитесь на меня, это будет реакцией, реакцией, рожденной от зависимости; и тогда независимость оказывается дальнейшей реакцией. Но свобода – это не реакция; пока мы не поймем реакцию и не выйдем за её пределы, мы никогда не будем свободны.

Знаете ли вы, что такое – любить кого-нибудь? Знаете ли вы, что такое любить дерево, или птицу, или какое-то животное, ухаживать за ним, кормить его, заботиться о нем, – хотя оно, возможно, ничего не даст вам взамен, не сможет

[**PAGE 107**]

205

109
21.

предоставить вам тени, не будет ходить за вами, не станет зависить от вас? В большинстве своем мы так не любим, совсем не знаем, что это такое, ибо наша любовь ограждена заботами, ревностью, страхом – а это значит, что мы находимся во внутренней зависимости от другого человека, мы хотим, чтобы нас любили. Мы не просто любим, не ограничиваемся этим, а требуем чего-то взамен – и в самом таком требовании попадаем в зависимость.

Таким образом, свобода и любовь идут вместе. Любовь – это не реакция. Если я люблю вас потому, что вы любите меня, это просто торговая сделка, нечто такое, что можно купить на рынке; но это не любовь. Любовь в том, чтобы ничего не я просить взамен, даже не ощущать, что вы даете нечто; и лишь такая любовь может знать свободу. Но, видите ли, этому вас не обучили. Вас научили математике, химии, географии, истории, и на этом все кончилось.

И вот нам с вами необходимо понять всю эту проблему свободы. Мы должны установить для себя, что такое – любить, потому что если мы не будем любить, мы никогда не сможем стать свободными, вдумчивыми, отзывчивыми, внимательными. Знаете ли вы, что означает быть внимательным? Когда вы видите острый камень на тропе, по которой прошло множество босых ног, вы сбрасываете его с тропы, – и не потому, что вас об этом просили, а потому, что вы как бы чувствуете за других, – не важно, кто бы они ни были, возможно, вы никогда и не встретите никого из этих людей. Посадить дерево и ухаживать за ним, смотреть на реку и наслаждаться полнотой земли, следить за крылатой птицей и видеть прелесть её полета, иметь чувствительность и быть открытым для этого необыкновенного движения, называемого жизнью – для всего этого должна существовать свобода; и чтобы обладать свободой вы должны любить. Нет свободы – без любви; свобода без любви – всего лишь идея, не имеющая никакой цены. Поэтому только для тех, кто имеет понимание, кто освобождается от внутренней зависимости и потому знает, что такое любовь, – только для них может существовать свобода. И только они принесут с собой новую цивилизацию, иной мир.

ВОПРОС: Откуда возникает желание, и как я могу от него освободиться?

КРИШНАМУРТИ: Этот вопрос задает молодой человек; и почему же ему следует избавляться от желания? Понимаете ли вы это?

[**PAGE 108**]

206

110
22.

Вот молодой человек, полный жизненности и сил, почему он должен избавляться от желания? Ему сказали, что свобода от желания есть одна из величайших добродетелей, что благодаря свободе от желания он постигнет Бога, или нечто, являющее собой конечную реальность, как бы его ни называть. И он задает вопрос: "Откуда возникает желание, и как я могу от него избавиться?" Но разве само стремление освободиться от желания не составляет все ещё часть желания? В действительности это стремление внушено страхом.

Каково происхождение желания, его источник, его начало? Вы видите нечто привлекательное и хотите им владеть. Вы увидели автомобиль или лодку, и вам хочется иметь эту вещь или вы желаете достичь положения богатого человека, или стать саньяси. Это и есть происхождение желания: увидеть, соприкоснуться – отсюда возникает ощущение, а из ощущения – желание. Затем, узнав, что желание приносит с собой конфликт, вы спрашиваете: "Как я могу быть свободным от желания?" Значит, то, чего вы действительно хотите, – это не свобода от желаний, а свобода от тревоги, боли, заботы, причиной которых является желание. Вы хотите свободы от горьких плодов желания, а не от него самого; и нужно понять эту весьма важную вещь. Если бы вы могли отделить желание от боли, от страдания, от борьбы, от всех забот и страхов, которые идут вместе с ним, так чтобы оставалось только удовольствие, хотели бы вы тогда быть свободными от желания?

Пока существует желание приобрести, достичь, стать на каком угодно уровне, до тех пор неизбежно и существование забот, печали, страха. Честолюбивое желание быть богатым, стать тем или этим, отпадает только тогда, когда мы видим гнилость самого честолюбия, его разрушающую природу. В тот момент, когда мы видим, что желание власти в любой форме – власти премьер-министра, судьи, священника или гуру – в основе своей дурно, мы более не имеем этого желания властвовать. Но мы не видим, как разрушительно честолюбие, не видим, что желание власти есть зло; наоборот, мы говорим, что употребим власть во благо; но все это вздор. Неправильное средство никогда нельзя использовать ради

правильной цели.

Если средство дурно, цель тоже будет дурной. Добро не есть противоположность злу, оно проявляется только тогда, когда то, что составляет зло, полностью прекратилось.

Итак, если мы не поймем все значение желания, его результаты и побочное продукты, просто пытаться избавиться от желания не имеет смысла.

ВОПРОС: Как мы можем не зависеть от общества, живя в нем?

КРИШНАМУРТИ: Знаете ли вы, что такое общество? Разве общество – это не взаимоотношения между одним человеком и другим? Не усложняйте вопрос, не цитируйте книги; подумайте об этом совсем просто, и вы, увидите, что общество – это взаимоотношения между вами, мной и другими людьми. Человеческие взаимоотношения и составляют общество, а наше нынешнее общество построено на отношениях стяжательства. Не так ли? Большинство из нас желает иметь деньги, власть, собственность, авторитет. Мы хотим положения, престижа, известности на том или ином уровне; и таким образом, мы построили общество приобретателей. А пока мы полны стяжательства, пока нам нужны положение, власть, престиж и тому подобное, мы принадлежим этому обществу и находимся в зависимости от него. Но если человек не нуждается ни в одной из этих вещей, если он с великим смирением остается тем, что он есть, тогда он находится вне общества; он восстает против общества и порывает с ним.

К несчастью, в настоящее время образование имеет целью заставить вас приспособиться к этому приобретательскому обществу, пристроиться к нему, согласовать себя с ним. И пока вы приспособиваетесь, пока вы честолюбивы, полны стяжательства, пока вы разлагаете и уничтожаете других в своем стремлении к положению и власти, вас считают добропорядочным гражданином. Вас воспитывают и обучают так, чтобы вы точно соответствовали обществу; но это – не воспитание, это всего лишь процесс создания в вас обусловленности приспособлением к какому-то образцу. Истинная функция воспитания и образования состоит не в том, чтобы сделать из вас конторского служащего, судью или премьер-министра, а в том, чтобы помочь вам понять всю структуру этого загнившего общества, дать вам возможность вырасти в свободе, так чтобы вы порвали с этим обществом и создали другое, создали новый мир. Должны существовать такие люди,

[**PAGE 110**]

208

112
24.

которые пребывают в состоянии мятежа, которые восстали против старого, и не частично, а полностью, – ибо только такие люди способны создать новый мир, такой мир, который не будет основываться на стяжательстве, власти и престиже.

Я уже слышу, как пожилые люди станут говорить: "Этого никогда нельзя сделать. Человеческая природа останется такой, какова она есть, и вы говорите вздор." Но мы никогда не думаем о том, как освободить от обусловленности взрослого человека и не создавать обусловленности для ребенка. Несомненно, воспитание имеет одновременно лечебное и предупредительное значение. Вы, старшие ученики, вы уже сложились, вы уже обусловлены, уже честолюбивы; вам хочется добиться успеха подобно своему отцу, подобно какому-нибудь известному ученому или актеру. Поэтому подлинная функция образования заключается в том, чтобы помочь вам освободиться от обусловленности, – но не только в этом, а так же и в том, чтобы помочь вам понять весь этот процесс жизни от дня ко дню, чтобы вы смогли вырасти, в свободе и создать новый мир – мир, который должен полностью отличаться от нынешнего. К сожалению, ни ваши родители, ни ваши учителя, ни широкая публика в этом не заинтересованы. Вот почему процесс воспитания должен распространяться и на ученика и на самого, воспитателя,

ВОПРОС: Что такое зависть?

КРИШНАМУРТИ: Зависть подразумевает неудовлетворенность тем, что вы есть и недоброжелательство по отношению к другим, не так ли? Недовольство тем, что вы есть, – это как раз начало зависти. Вы хотите быть похожим на кого-то, кто обладает большим знанием, или более красив, или имеет более просторный дом, большую власть, лучшее, чем у вас положение. Вы хотите быть более добродетельными, узнать, как лучше медитировать, хотите достичь Бога, быть чем-то иным по сравнению с тем, что вы такое; потому вы завистливы и недоброжелательны. Понять, то, что вы есть, невероятно трудно, ибо это требует полной свободы от всякого желания изменять то, что вы собой представляете, на нечто другое. Желание измениться порождает зависть; в то время как понимание того, что вы такое, включает в себе преобразование того, чем вы являетесь. Но поймите, что все ваше воспитание побуждает вас становиться отличным от того, что вы такое. Когда вы завистливы, вам говорят: "Не будьте завистливы, это ужасно." Поэтому вы стараетесь не быть завистливым, но само подобное старание есть часть зависти, потому что

[**PAGE 111**]

209

113
25.

вы желаете стать чем-то иным.

Знаете, прекрасная роза – это и есть прекрасная роза; а мы, люди, обладаем способностью мышления и мыслим неправильно. Знать, как нужно мыслить требует большой проникновенности, понимания, а вот знать, о чем следует мыслить, сравнительно легко. Наше нынешнее образование состоит в том, что нам говорят, о чем мы должны мыслить; оно не учит нас, как следует мыслить, как проникать вглубь, исследовать; и только тогда, когда учитель, как я ученик, знает, как нужно мыслить, школа достойна называться школой.

ВОПРОС: Зачем люди воюют друг с другом?

КРИШНАМУРТИ: Зачем дерутся мальчишки? Разве вы не деретесь со своим братом или с другими ребятами? Зачем? Вы деретесь из-за игрушек; может быть, какой-то другой мальчик взял вашу книжку или мяч, поэтому вы и подрались. Совершенно по той же причине воюют и взрослые, но только их игрушки – это положение, власть, богатство. Если вы хотите власти, и я тоже хочу власти – мы сражаемся друг с другом; и вот потому народы идут на войну. Это так просто, только философы, политики и, так называемые, религиозные люди усложняют все дело. Знаете, какое это большое искусство – обладать в изобилии знанием и опытом, знать жизнь и её богатство, красоту существования, борьбу, горести, смех, слезы – но все же сохранить свой ум очень простым. И у вас может быть простой ум только тогда, когда вы узнаете, как любить.

ВОПРОС: Почему я никогда не испытываю ни в чем удовлетворения?

КРИШНАМУРТИ: Этот вопрос задает маленькая девочка, и я уверен, что ей его не подсказали. В своем впечатлительном возрасте она хочет узнать, почему она никогда не испытывает удовлетворения? Что скажете вы, взрослые? Это – ваше дело; ибо вы вызвали к существованию этот мир, в котором маленькая девочка спрашивает, почему она никогда ни в чем не ощущает удовлетворения. Предполагается, что вы – воспитатели; а вы не видите этой трагедии. Вы занимаетесь медитацией, но остаетесь вялыми утомленными, внутренне мертвыми.

Почему же люди никогда не испытывают удовлетворения, удовлетворенности? Не потому ли, что ищут счастья и думают, что будут счастливы, благодаря постоянным изменениям? Они переходят

[**PAGE 112**]

210

114
26.

с одной работы на другую, меняют взаимоотношения, переходят из одной религии или идеологии в другую, полагая, что при помощи этого непрерывного потока перемен найдут счастье. Или же они избирают какую-нибудь тихую заводь в потоке жизни и там погружаются в застой. Несомненно, удовлетворенность есть нечто совершенно иное. Оно проявляется только тогда, когда вы видите себя таким, каковы вы есть, безо всякого желания измениться, без какого-либо осуждения или сравнения. Но это не означает, что вы просто понимаете то, что видите, и на этом отправляетесь спать. А когда ум более не сравнивает, не судит, не оценивает – и потому оказывается способным увидеть то, что есть, от мгновения к мгновению, не желая изменить то, что видит – тогда в самом восприятии существует вечное.

ВОПРОС: Почему мы должны читать книги?

КРИШНАМУРТИ: Почему мы должны читать? Послушайте спокойно. Вы никогда не спрашиваете, почему вы должны играть, почему должны есть, смотреть на реку, почему вы жестоки? Не так ли? Вы возмущаетесь и спрашиваете, почему вам приходится что-то делать, когда вам самим этого делать не хочется? Но чтение, игра, смех, жестокость, доброта, способность видеть реку и облака – все это часть жизни; и если вы не умеете читать, если вы не умеете ходить вы не живете. Вы должны понимать жизнь в целом, а не только одну её частицу. Вот почему вам нужно читать, вот почему вы должны смотреть на небо, петь, танцевать, писать стихи, страдать и понимать; ибо все это и есть жизнь.

ВОПРОС: Что такое застенчивость?

КРИШНАМУРТИ: Разве мы не стесняемся, когда встречаем незнакомого человека? Разве вы не стесняетесь, когда задавали этот вопрос? Не стеснялись бы вы, если бы вам пришлось сидеть на этой эстраде, где нахожусь я, и вести беседу? Разве вы не ощущаете стеснения, не чувствуете себя немного неловко, когда неожиданно оказываетесь перед красивым деревом, нежным цветком или птицей, сидящей в своем гнезде? Понимаете, быть застенчивым – хорошо. Но для большинства из вас понятие застенчивости подразумевает самосознание. Когда мы встречаемся с каким-нибудь большим человеком – если такие личности есть – мы обращаем внимание и на себя, мы думаем: "Какой это замечательный, знаменитый человек, – а я ничего собой не представляю!" Поэтому мы стесняемся,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 6 (1976) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 5/1.6.

[**PAGE 113**]

211

115
27.

и это есть вид осознанности самого себя. Но существует другой вид застенчивости, который в действительности являет собой нежность; и там нет никакого самосознания.

ДИСПУТ: "Христианство и этика"

Доклад Т. Горичевой:

Первая часть сообщения была посвящена анализу двух противоположных тенденций современной богословской мысли:

Существуют теории, противопоставляющие этическое религиозному /говорилось о концепциях Шлейермахера, Киркегора, Р. Отто/. Отделение религии в особую сферу и обособление её от этического представляет собой естественное следствие процесса секуляризации. Другим следствием этого процесса явилось "обмирщение" религии, нахождение Бога во всем – в природе, в глубине человеческих отношений и т. д. Появилось "безрелигиозное" и анонимное христианство.

Докладчик пытался показать, что концепция анонимного христианства не противоречит основам христианского вероучения и может быть принята им как и имеющая почтенный возраст теория "естественного откровения".

Далее докладчик говорил об объединении этих противоположных концепций как об идеале будущего. Религиозность должна освободить себя от высокомерно-недоброжелательного отношения к культуре и морали, антицерковная же, плоско-гуманистическая ориентация современного человека нуждается в принятии абсолютных ценностей, которые она сможет обрести, лишь обратившись к Христу.

Вторая часть доклада была непосредственно посвящена взаимоотношению этического и религиозного.

Этическое в европейской традиции вплоть до XX века понималось несколько однобоко. Этическое было часто "всеобщим". Так определяет этику Киркегор. Но подобным же образом мыслил уже и Кант, в "категорическом императиве". Этическое поведение, по Канту, абсолютно формально, оно не зависит ни от желаний, ни от влечений, ни от настроений. В нем совершенно нет эмпирики, нет чувственности, а следовательно, нет и содержания. В чем долг нравственного субъекта? Что такое категорический императив?

"Поступай так, чтобы правило твоей воли всегда

[**PAGE 115**]

213

117

могло быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства."

Долг ориентирован на выполнение всеобщего, формального /априорного/. Априорное же у Канта отождествляется же с рассудочным. /в чем современная феноменологическая философия видит наибольшую ошибку Канта/. Нетрудно доказать, что такое представление об этическом и привело ко многим дурным последствиям. Этическое как общее, формальное и рассудочное дает нам тип конформистского и даже тоталитарного общества. Сфера *das Man* бессодержательна и основывается на системе внешних /формальных/ запретов – табу. Под внешней /рассудочной/ гармонией здесь скрыто больное и расщепленное сознание. Норма оборачивается патологией /см. Э. Фромм "Бегство от свободы"/.

На смену формальной этике запретов должна прийти содержательная этика любви.

Вопрос о содержательности этики любви был поставлен философской мыслью совсем недавно, хотя в Евангелии примеры этой этики встречаются на каждом шагу. В отличии от этики долга, этики любви полагает, что в любви – мы всегда должники: "не оставайтесь должниками никому ничем, кроме взаимной любви /Рим. 13, 8/".

Любовь одновременно понятие и религиозное /она соединяет Бога с человеком/ и этическое.

Наличие таких промежуточных понятий /"совесть", раскаяние" и др./ и говорит нам о том, что возможна содержательная этика, имеющая дело не с вымышленными конформистскими нормами, а с самой реальностью. Эта содержательная этика не противоречит религиозному.

Человек долга участвует во всеобщем, постигает и исполняет всеобщую норму. Норма при этом остается неизменной. Человек подчиняется ей целиком. Этика любви – интенциональна, она не имеет дело с неподвижной нормой, о любви /вспомним М. Шелера/ происходит приращение бытия, предмет любви не остается неизменным, отсюда – вечная неудовлетворенность любви /в отличие от удовлетворенности желания, имеющего дело не с предметом, а с неизменным объектом/. В интенциональном отношении человек не просто познает бытие, но и творит его. Абсолютность личности – здесь

[**PAGE 116**]

214

118

непременное условие абсолютности Бога.

Эта интенциональная этика предначально религиозна, она, в отличии от этики Канта, не формальна, а содержательна /имеет дело с самым содержательным предметом – Богом/.

Интенциональная этика любви, таким образом, является одним из возможных путей для соединения религиозного и этического.

В последовавшей дискуссии выступили: К. Бутырин, Б. Иванов, В. Кривулин, А. Козырев, И. Левин, Ю. Скрозников, С. Стратановский.

Основная полемика развернулась вокруг пункта об "анонимном христианстве".

БУТЫРИН резко критиковал эту концепцию. Секуляризация и гуманизация /по его словам, привели европейское человечество к потере не только божественного, но и человеческого содержания жизни. Безрелигиозность принесла миру одни потери: человечество переживает катастрофические события /фашизм, тоталитаризм/.

Обезбоженность приведет человечество к трагическому концу.

КРИВУЛИН заметил, что этика, гуманизм и другие достояния человечества обязаны своим появлением развитию христианства и являются его блудными детьми.

СТРАТАНОВСКИЙ защищал "светские" ценности, предлагая понятие "либерализма", содержание которого не было им раскрыто.

ЛЕВИН выступил с критикой как "этики долга", так и "этики любви", противопоставив собственную теорию, представляющую собой возрождение тезиса "разумного эгоизма". "Этику долга" он предложил заменить "этикой наслаждения", а "мечты" о христианском ренессансе – надеждой на античность.

Речь Левина вызвала необычайное оживление.

КОЗЫРЕВ заметил, что именно религия снимает идею долга и дает человеку высшее наслаждение, о котором Левин говорит с позиций Французского материализма. Кроме того, античное возрождение уже было, а язычество

о котором мечтает И. Левин, можно наблюдать каждодневно, ибо оно – повсюду.

Выступление И. Левина резко противоречило основному направлению диспута, который развивался через отрицание всех безрелигиозных "достижений" человечества, через критику гуманизма и атеистической этики.

Всё совершенное в человеке и человечестве существует лишь благодаря религии, последние устои человеческой нравственности и свободы сохраняются благодаря этой "неосознаной" памяти человечества о Боге. Человек живет на дивиденды религии, – такой общий вывод диспута.

16 июня открыта квартирная выставка художников, объявивших голодовку в знак протеста против запрещения выставки у Петропавловкой крепости 12 июня и художников, подвергшихся административным мерам /арест и заключение на 15 суток/ за участие в выставках 30 мая и 12 июня.